

ЭНКА САН

ЖЕНА

МОЕГО БРАТА

Черкасовы-Ольховские. Сага

Янка Рам

Жена моего брата

«Янка Рам»

2022

Рам Я.

Жена моего брата / Я. Рам — «Янка Рам», 2022 — (Черкасовы-Ольховские. Сага)

У меня большие проблемы. Я доверилась не тому человеку. Теперь я беременна, и выход из его ужасной семьи не предусмотрен. Его старший брат меня ни за что не отпустит! Демид. Дэм. Этот человек слов на ветер не бросает, в отличие от моего мужа. Мой личный демон. — Я хочу развод! — Это исключено, Злата. Развода не будет. Отворачиваюсь, закрывая лицо. Чувствую, что он стоит за спиной. Очень близко! — Убирайтесь к черту! — Злата... со мной не стоит так разговаривать. Я тебе не Родион. От этой внезапной близости и раздавливающего голоса меня окатывает волной горячего страха. Мне есть чего бояться! — Извините... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	38
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Янка Рам

Жена моего брата

Пролог

У меня большие проблемы! Я доверилась не тому человеку. И теперь я беременна.

Сидя в душе на корточках, обнимаю себя за колени. Вода тяжёлыми каплями бьёт по голове, смывая с лица слёзы. Что теперь делать? Ответа у меня нет.

Волосы густой пеленой облепляют тело и выются в потоках воды как живые. Я уже здесь так долго, что мои пальцы все в бороздках. Нужно выйти, но сил нет. Короткий стук в дверь, заставляет меня вздрогнуть.

– Злата... Если ты не выйдешь, я зайду и вытащу тебя оттуда.

О, нет, это не мой муж. Это его брат. Демид. Дэм. Демон. Самый настоящий. Зайдет и вытащит. Этот человек слов на ветер не бросает, в отличие от моего мужа.

Судорожно вздохнув, поднимаюсь на затекших ногах. Полотенце пачкается в не до конца смытой туши. Надев банный халат на мокрое тело, выхожу. С длинных волос на пол капает вода.

– Что Вам надо от меня? – чеканю я.

Сложив руки на груди подпирает плечом косяк.

– Как ты себя чувствуешь? – игнорируя мой вопрос.

– Прекрасно я себя чувствую, – хриплю я убито.

– Я знаю, что произошло.

Поднимаю на него взгляд.

– Ты всё неправильно поняла, Злата.

Взгляд ледяной, слепой, равнодушный. Веки такие тяжёлые, что меня прибавляет его взглядом к месту. Я не спорю. С этим человеком особенно не поспоришь.

– Не так, значит, не так, – отворачиваюсь я.

– Родион оставил телефон у меня. Трубку взяла... – пауза и с отвращением, словно пре-одолевая себя: – моя женщина. Сказала тебе бред. Я... прошу прощения.

– Почему об этом говорите мне Вы? – в чувствах бросаю я, разворачиваясь.

– Родион придет чуть позже. И все объяснит тоже. Сейчас он занят.

Это враньё. Ни одна из его женщин не посмела бы ответить по его телефону.

– Я могу побыть одна?

С сомнением недобро смотрит на меня.

– Просто... уходите! – срывает меня на истерику. – Почему Вы приходите, когда захотите?! Это моя комната! Убирайтесь! Никого не хочу видеть!

– Успокойся, Злата. Тебе нельзя нервничать, – опускает взгляд в пол.

– Откуда Вам это знать?!

Я запретила мужу говорить хоть кому-то о моем положении! Тем более – внутри этой чертовой семьи! А он уже всё знает. Во всем – предательство!

Молчит, опуская тяжёлый взгляд в пол.

– Я хочу развод... – выдыхаю я.

– Это исключено. Развода не будет.

Сжимаясь, кричу внутри себя от ярости и бессилия.

– Ты ела сегодня?

Нет, я не ела. Я не могу... меня замучил токсикоз.

– Ты ела?! – зло.

– Вон отсюда, – шепчу я.

Опять игнор! Что-то пишет на своём телефоне.

Отворачиваюсь, закрывая лицо ладонями. Неожиданно чувствую, что стоит за спиной. Очень близко.

– Злата... со мной не стоит так разговаривать. Я тебе не Родион.

От этой внезапной близости и тихого сильного голоса меня окатывает волной горячего страха. Мне есть чего бояться!

– Извините... – выдавливаю я из себя.

– Я не нуждаюсь в извинениях, – чувствую его дыхание затылком. – Успокойся. Поужинай. Береги себя. Родион... – проскальзывает холодный скрип в его голосе. – Скоро будет.

Молчит. Моя спина полыхает от того, как он близко. Меня настолько сминает и шокирует его энергетика, что я даже забываю на мгновение том, что у моего мужа любовница. А я на втором месяце!

– У тебя ничего плохого не случилось, слышишь? – внушающе.

Киваю. Киваю, но не верю. Ни одному слову. Со мной случилось много плохого. И выход отсюда не предусмотрен.

Глава 1

Ошибка

- Ты что творишь?! – цежу я, встряхивая пьяного брата за грудки.
- Дэм... черт... я не понимаю, как эта коза... – бормочет он, – добралась до телефона.
- У тебя молодая жена беременна, осёл, а ты спишь с грязными девками?!

Падает в кресло.

- Ну ты же мужик. Должен меня понять! Злата и так-то не айс в постели, а как залетела...

– Заткнись! Ты взял девочку, она тебе должна как эскортница фокусы в постели показывать?!

Мне хочется порычать, что над этим надо работать. Но от одной мысли, что он начнет «над этим работать», меня кидает в жар и тошноту. И единственный порыв – переломать гадёнышу руки! Достать ствол и...

Достаю. Кладу на стол. Подальше.

Так нельзя исправлять эту страшную ошибку – их брак. Потому что он мне всё-таки брат.

Он с опаской смотрит на мой ствол.

- Дэм, да я люблю её, но...

Внутренности совершают кульбит от этих его слов. Потому что из нас двоих любит не он. И лучше бы ему придержать язык. Потому что вырву!

- Заткнись, – просаживается мой голос.

Примирияюще раскрывает ладони.

– Своими гульками ты ставишь под угрозу то, что наша семья создавала последние пятьдесят лет. Узнаю, что косячишь – накажу.

– Окей... окей... Никаких больше тёлочек! Спасибо братишка, что прикрыл, – вставая, тянет мне руку.

Мои глаза наливают кровью. Я пожимаю его руку в ответ. И перехватывая кисть, беру его большой палец на излом и... рывок, хруст, вопль!

- Что творишь?! Больно, сука... ммм...

- Создаю тебе алиби. И заодно, убедительно рекомендую больше не косячить.

Баюкая сломанную кисть, со стоном оседает в кресло.

- У тебя совсем с башкой проблемы, Дэм?!

– Скажешь, повредил руку, был в травматологии. Телефон оставил у меня в офисе. Про звонок Злате – ничего не знаешь, только с моих слов. Пусть прислуга наложит повязку. Девка твоя пусть испарится.

Забираю его телефон. Верну ему завтра при Злате.

- И... не смей, скотина, к ней прикасаться, пока не сдашь анализы. Не дай Бог заразишь.

- Да предохраняюсь я! Что я – идиот?!

– Идиот. Принесешь мне анализы, вот от этого врача, – протягиваю ему визитку своего инфекциониста. – Злату успокой. И будь убедительным, понял? Мне она не поверила. Пошел вон!

Закрыв глаза, слушаю, как он поднимается по лестнице вверх. К ней...

Меня передергивает от отвращения и бешенства. Его надо срочно от неё дистанцировать. Иначе я сорвусь и...

Вот так бывает, Черкасов. Когда ты можешь взять от этого мира все, кроме того, что по-настоящему желаешь.

Присаживаюсь за стол. Открываю верхний ящик. Четыре стандарта разных таблеток. Если через три месяца диагноз подтвердится, их будет уже не четыре, а двадцать четыре. Хоть стреляйся...

Закидываю горсть таблеток в рот. Это иммуномодуляторы. Пока что ничего убийственного.

Достаю файл с распечатками результатов анализов на ВИЧ. «Антитела – положительно». Никто не знает про это. Мой врач уверен, что тест ложноположительный. Перед анализом мне ставили вакцину в связи с отлётом в Египет. Но...

У одной из моих бывших любовниц, как оказалось, СПИД. Поэтому – далеко не факт, что ложноположительный. И нужно ждать полгода для контрольного обследования, чтобы получить достоверный и однозначный результат.

Я жду этой казни или амнистии уже три месяца. Ровно столько же, сколько я знаком со Златой.

И именно этот грёбанный диагноз, свалившийся кирпичом на мою голову, не позволил мне тогда включиться в происходящее и вырвать её из рук брата. А теперь, не смея приблизиться, наблюдаю за тем, как её жизнь разрушает этот бестолковый баран.

Эта дрянь не передаётся через касания. Но я не могу себе позволить даже прикосновение. Не могу! Мне страшно её заразить.

Открываю нижний ящик. Там фотки. Целая пачка.

Достаю, пролистывая одну за другой. Злата...

Вот эта фото. Это когда я первый раз увидел её. С камеры наблюдения. Потрясающе красивая девочка! Веду пальцем по её лицу. Закрывая глаза, улетаю в тот день.

Глава 2

Золотая девочка

– Родион, – оттягиваю я брата от какой-то развязной хихикающей тёлки. – Отец велел приехать в наш ресторан. У нас сегодня будут важные гости.

– Эй, ну... – недовольно. – Сегодня вечеринка в мою честь!

– Вперед! – стимулирующее хлопаю ему по спине. – Повеселятся без тебя.

Только и умеет, что просаживать бабки на этот бесполезный бомонд!

– Какие гости?... – оглядывается на свою спутницу.

– Наши инвесторы.

– Зачем нам инвесторы?

– Дела в последнее время идут плохо. Без привлечения сторонних капиталов мы окажемся на дне. Да мы уже на дне!

– А мне казалось всё в ажуре.

– Если бы ты занимался делами, а не тусовался, то знал бы настоящее положение вещей. Мы можем всё потерять. Поехали...

Я редко пользуюсь услугами водителя. Люблю сидеть за рулём сам. Но сегодня было несколько важных, но неформальных встреч и во мне слишком много «горючего».

– Дай сюда, – вырываю из рук брата фляжку с вискарём. – Хватит!

– Я-то там зачем, брат?

– Условия инвестирования очень тонкие. Один из нас должен жениться.

– На инвесторе? Это тёлка? Молодая?

Скептически смотрю на него. Достая сзади аптечку. Кидаю ему на колени стандарт абсорбент глюкозы и витамина С.

– Жуй.

Брезгливо смотрит на стандарты.

– Втрюмбу сейчас силой. Прямо с упаковками.

Не выношу, когда мои разумные распоряжения не выполняются. И он это знает. Недовольно вздохнув начинает распечатывать таблетки.

– У нашего инвестора четвёртая степень онкологии. И еще молоденькая внучка на его попечении. Если она останется одна, шакалы из нашего бизнеса все у неё отнимут.

Металл – жёсткая тема, где грань между бизнесом и криминалом давно и безвозвратно стёрта. Молодой девочке там не выжить. Там нужны стальные причиндалы и решительность – преступать закон, когда это необходимо, адекватно отвечая на инсинуации конкурентов. Нужна сеть своих людей в инстанциях, которые за деньги помогут со всеми бюрократическими препонами. И мозги, конечно же, чтобы предугадать рынок и ходы конкурентов.

– Он хочет подстраховать девочку удачным браком с сильной семьей, которая давно в бизнесе. Принуждать ее не станет. Мы с тобой не единственные претенденты и выбор за ней. Поэтому наша задача сделать так, чтобы она захотела этого.

– Красивая?

– Какая разница?! – рявкаю я. – Мы потеряем всё! Всё в залоге! Нам нужны эти деньги. Последняя партия товара стоит на таможне. Нужны бабки! Любой ценой. И будь она хоть бегемотом, мы оба сделаем всё, чтобы она пошла на этот брак. Усёк?!

– Мда... перспектива – отстой.

– Очаруй её.

Водитель паркуется у здания нашего холдинга. На первом этаже – ресторан. Пока еще наш. Я увожу Родиона через чёрный вход. Слежу, чтобы умылся и выпил крепкий кофе с лимоном. Выпиваю свой. Мне тоже не повредит. Смочив руки водой, веду по волосам.

Фак! Я вообще не про очаровать женщину. Ну, не до этого мне! Я просто предлагаю выгодные условия той, что мне приглянулась. Стараюсь выбирать зрелых, которые давно определились с ценой, и не будут ожидать танцев с бубнами вокруг себя. И готовы доставлять удовольствие мужчине так, как это хочется ему. Но это явно не тот случай.

Родион смазливее и моложе, легче, к тому же, мастер съёма. Очень надеюсь, что выбор падёт на него. Смотрю в глаза своему отражению. Лицо огрубляет когда-то сломанный в драке нос и бровь, перебирая шрамом. И паспорт мой говорит о том, что я припозднился с браком. Я точно не впишусь в розовые фантазии еще вчерашних школьников. Это не мой блиц-криг.

– Идём, брат.

Ресторан закрыт для посторонних, в вип-нише, за пеленой стеклянных бус несколько силуэтов.

Официант отводит бусы, открывая нам вход.

– Добрый вечер, – захожу я первым.

– Мои сыновья, – представляет нас отец. – Демид и Родион.

Не бегемот...

Мы с девушкой смотрим друг другу в глаза. Её красивые, естественные губы трепетно вздрагивают. Поправляет гладкую пелену волос, отводя за плечо.

– Родион, – вижу боковым зрением, как брат здоровается со стариком.

С усилием отвожу взгляд от нашей невесты.

– Демид, – тоже тяну руку для рукопожатия.

– Иван Михайлович.

Старик плохо выглядит. Но держится хорошо. На предплечье порт для инъекций, заклеенный пластырем.

– Очень приятно, Иван Михайлович.

Присаживаюсь напротив девушки. Опускаю взгляд, прислушиваясь к себе. Уголок моих губ дергается в усмешке. Не над ней. Над самим собой. Потому что моё ленивое и равнодушное сердце вдруг решило постучать в полную силу.

Она смущённо отводит взгляд, скользит по лицам за столом, останавливаясь взглядом на Родионе.

– Моя внучка, Злата Романовна, – представляет ее дед.

Злата...

Брат расплывается в восхищенной улыбке.

– Очень приятно познакомиться, Злата! Это очень неожиданно.

– Что именно – неожиданно? – внимательно смотрит она на него.

– Вы. Вы неожиданно прекрасны.

– Спасибо.

Отец и Иван Михайлович обсуждают рынок металлов. Регина, моя помощница и юрист, незаметно двигает по столу ко мне файл с бумагами.

– Ознакомьтесь, – ловит взглядом этот жест Иван Михайлович. – Я хочу, чтобы обе стороны понимали на что идут.

А мне не хочется даже читать всех условий. Мне кажется это бестактно делать при Злате. Ей неловко.

– Чуть позже. Уверен, там всё приемлемо.

Оставляю бумаги лежать на столе. Взгляд от нее отвести сложно. И я не отвожу.

Очень породистое лицо. Ни одного изъяна. Спокойная яркая славянская красота. Без всех этих модных сейчас апгрейдов. Очень притягательное лицо. Скулы, брови, губы, разрез

глаз... я залипаю. Платье оголяет одно плечо. Пожираю взглядом манящие линии ее шеи, ключицы... Кожа – ровный бархат.

Если мы не единственные претенденты, то я даже не знаю, чем можно взять такую девочку. Все у нее должно быть в избытке. А мужского внимания – в переизбытке. Роскошью судя по всему избалованна тоже. В ушах – серьги с бриллиантами. На руках золотых браслетов лама на три. Сложно... В такую надо вкладывать себя.

– Вы где-то учитесь, Злата? – нарушаю я тишину.

– Мне пришлось бросить университет.

– Почему?

– Потому что это был не тот университет и не там, – отвечает за неё дед. – Поступит в другой. Более престижный.

– «Не там»? – вопросительно поднимаю бровь.

– Я издалека, – уклончиво.

– Откуда?

Я не слишком тактичный человек. Скорее – наоборот.

– Злата из Карелии.

– Карелия? – хмурится брат.

– Злата хозяйка золотого прииска. На данный момент он полностью истощен. Посёлок золотоискателей покинут. Но капитал остался. Мы считаем, что вложить цветной металл в черный металл – это максимально перспективно для Златы. Но сама по себе она в этом бизнесе не удержится.

Да. Мы нужны друг другу.

– Посёлок золотоискателей... – пытаюсь я представить себе это. – Ты всю жизнь прожила там?

– Практически.

– Насколько он был большой?

– Четыреста человек.

– Сколько?! – уточняет недоверчиво Родион.

– Четыреста.

– Твои крепостные? – хмыкаю я. – Золотая барыня?

– Можно сказать и так, – строго смотрит мне в глаза Злата.

И я опять залипаю... Золотая девочка!

Глава 3

Первое свидание

– В инсте ее нет, – отчитывается Регина. – В других социальных сетях также я ее не нашла. О ней вообще никакой информации, кроме прописки. Реально была прописана в Карелии. Училась заочно два года в Петрозаводске. Ее рудник находится в ста двадцати километрах от Медвежьегорска.

- Мля, я даже не представляю, где это.
- Это глушь. Севернее Питера. Топи.
- Она не выглядит как девица из глуши. Скорее, наоборот.
- Согласна. Ты прочитал брачный контракт?
- Да.
- Что скажешь?
- Жёсткий. Но выбора у нас нет.
- Ты пойдёшь на этот брак?
- Конечно.
- Есть вероятность все потерять.
- А если мы не пойдём на это, то мы потеряем все однозначно.

К тому же идея брака с практически незнакомой Златой меня... будоражит. Я пытаюсь понять почему. Безусловно красивая. Но этого товара завались. Здесь что-то другое. Чувствуется неотшлифованная врождённая порода. И... живость! В мелочах. Женщины в массе типичны. Каждый типаж абсолютно предсказуем. Своеобразная закалка средой.

Злата же не вписывается ни в один. И я не поймал от неё ни опостылевших фраз, ни поз, ни смыслов, ни реакций. Свежо! И держит в тонусе. «На автомате» с ней не получается. Мне резко перестало быть скучно. Внутри загорелся атомный реактор. Энергии через край! Это сильно повышает цену.

Опять же... На первый взгляд, в ней нет ничего, что меня отталкивает в женщинах. С другой стороны, мы не общались ни разу лично. И всё же, а что если брак окажется удачным? Я могу быть нормальным мужем? Смотря что считать нормой, конечно.

А вот идея, что она может выбрать Родиона больше не кажется мне привлекательной. Скорее уж, я готов напрячься и не допустить этого.

Каких-то пару недель, и эта женщина может принадлежать мне.

- Деталь с ее несовершеннолетним братом...
- В доме много места. Найдется и для ее брата. Не вижу проблемы.

Дом строили под большую семью. Дед планировал, что и моя семья, и семья Родиона будет жить в нашей усадьбе и ей нарастили «крылья». Большинство комнат пустует. Дом – единственное, что еще не заложено. Он, пока что, принадлежит бабушке.

Регина выкладывает передо мной тайминг. Просматриваю.

- Так же звонила Юлия Потоцкая. Не может до тебя дозвониться.
- Я ее заблокировал.
- Это одна из бывших любовниц. Всё время выпрашивает деньги. Я дал уже достаточно.
- Сказала: разговор важный.
- Да-да... – скептически фыркаю я.
- Важный для тебя, уточнила она и добавила, что речь не о деньгах.
- Окей, я перезвоню ей. Что-то еще?
- Если вдруг ты забыл, то сегодня ты пригласил Злату на ужин.
- Я не забыл.

– Через пятьдесят минут, – бросает она взгляд на часы. – Заказала тебе свежую рубашку и бритву.

– Спасибо.

Без Регины как без рук. Очень полезный сотрудник. Третье полушарие моего мозга.

– Если это всё, то можешь идти.

В моём кабинете личный душ. Ополоснувшись, быстро прохожусь лезвием по уже отросшей щетине. Меняю рубашку. Откидываю в сторону галстук. Ужин неформальный.

– Дэм, Злата уже подъехала, – встает в дверях Регина.

– Пусть ее встретят. Я спускаюсь.

Закрываю в сейф ствол вместе с кобурой. Ни к чему светить пушкой при девушке. Быстро сбегая по лестнице вниз. Вижу, как официант провожает Злату в випку, отводя в сторону пелену стеклянных бус. Захожу следом.

– Добрый вечер.

Вздвогнув, оборачивается.

Отодвигаю ей стул. Сажусь напротив. О чем нам разговаривать? Не представляю. Просто смотрю ей в глаза. Мне этого достаточно. Там глубоко и наполненно. Может быть поэтому и не нужны слова.

Официанты приносят то, что я заказал заранее. А мы всё также молчим. Наверное, надо пообщаться.

– Итак, Злата. Что ты ждёшь от замужества?

Смущается. Но практически незаметно. Взгляда не отводит. Я спросил слишком прямо?

– Надёжного партнёра, – оживает она.

Бровь вздрагивает, чуть изгибаясь. На её лице сложная эмоция. Мне кажется она отрицательной.

– Хм. Очень зрелый ответ. Тебе он неприятен?

Устало вздыхает.

– Жаль, – ухмыляюсь я. – Не успел и пары слов сказать, а уже утомил тебя. Я этого не хотел. Расскажи что-нибудь о себе.

– Вы уже все обо мне узнали. Ваша служба безопасности хорошо работает. Они звонили людям, которые работали на моем приiske.

А люди, значит, тут же сообщили тебе? Любят свою маленькую барыню?

– Тебя это расстроило?

– Нет.

– А мне кажется, ты расстроена.

– Мой дед в больнице. Я расстроена поэтому.

– Ясно. Давай ужинать. Что ты любишь, Злата? – показываю на обильно накрытый стол. Замечаю, что её взгляд останавливается на блюде с фруктовой нарезкой.

– Это будет невежливо, если я предпочту блюдо с фруктами всему остальному?

– Мне плевать на церемонии. Если это доставит тебе удовольствие – ради бога.

Отпускаю официанта. Предварительно распорядившись, чтобы убрали все горячее и оставили одни закуски.

– Извините, Демид, – наблюдает она, как официанты уносят лишнее.

– Расслабься.

Злата, облизывая нежные губы, съедает кусочек манго. Темные ресницы смыкаются, словно на пике удовольствия. Мне кажется, я слышу тихий стон. Зрелище не для голодного мужчины. А я голоден. Эта девочка разожгла фантазии, желание обладать и... ревность. Я ведь не единственный претендент.

Злата съедает еще кусочек. С таким кайфом! У меня выделяется слюна, я сглатываю вместе с ней.

– Это так вкусно?

Не выдержав, тянусь своей вилкой, и забираю с её чашки кусочек. Отправляю его в рот. Манго как манго...

– Да, это вкусно. Я раньше не пробовала многого. Вам это кажется обычным, наверное, а для меня деликатес.

– Ты не выглядишь, как девушка из глубинки.

– Дед настоял на стилисте. Не обманывайтесь.

– Нет, дело не в этом.

Стилист придал немного лоска. Но сними с нее все шмотки и одень в мешковину, ничего не изменится. Хотя нет... Мешковина, наверняка станет трендом. И все модницы поспешат приодеться в неё. Да и речь у нее очень красивая и уверенная. Чистая. Без сленга, слов паразитов и прочего мусора.

– Мой стилист не справился? – поднимает она бровь. – Это не его вина. Я не во всем послушна.

– Ты прекрасно выглядишь, не сомневайся. А в чем ты отказалась слушать стилиста?

– Не позволила обрезать и покрасить волосы.

– Уволь его! – вздрагиваю я.

Волосы роскошны. Густая блестящая гладь до пояса.

Мне хочется прикоснуться к ней. Пухлые губы обнимают крупную клубнику, навевая мне такие ассоциации, что становится жарко. Дергаю верхнюю пуговицу на рубашке. Протягивая руку по поверхности стола, кладу кисть поверх её. Рефлекторно выдергивает, с вопросом глядя на меня. Ноздри тревожно подрагивают. Недотрога... И я хочу ее еще больше!

– Брак – не будет фиктивным, – поясняю я. – Ты же ищешь не просто партнёра, а мужа. Прикосновение, запах... Это важно.

– Вы правы. Это важно.

Раскрываю ладонь, прося ее руку. Тормозит, глядя на мою ладонь. И словно ломая себя, вкладывает в нее свою. Сжимаю. Глядя в глаза, рисую большим пальце восьмёрку на ладони. Она опускает взгляд на соединение наших рук. И поднимает его снова.

– Мне сказали, что у Вас гарем.

Твою мать!..

Гарем.

Да, когда-то был. Я скучал, наверное, разочаровавшись в женщинах, что меня окружали и начал извращаться. Но пресытило и это.

– Это неправда, – отпускаю её напряжённую кисть.

Нервно провожу пятерней по волосам.

– Ваша служба безопасности тоже не дремлет? – с усилием улыбаюсь я. – Повторюсь – это неправда. И я очень внимательно читал брачный контракт.

– Хорошо, – кивает она.

Но напряжение между нами не спадает. Манго и дыня на чашке с фруктами закончились. Пишу смс повару, чтобы сделали нарезку только из манго и дыни. Она предпочла это всему остальному.

– Что еще ты любишь?

– Ещё?... Я люблю честность.

Ух!

– Камень в мой огород? Я тебе не соврал. Твои безопасники нашли давно устаревшую информацию из моей буйной молодости. Можно откровенный вопрос?

– Спрашивайте.

– Сколько у нас с братом конкурентов?

Слова уже вылетели. Но я недоволен ими. Неправильная постановка вопроса. Еще три дня назад, до того, как мы познакомились, он звучал именно так. Теперь – иначе: «сколько у меня конкурентов». Но вопрос уже озвучен. И я тихо бешусь. Это абсолютно неправильное позиционирование меня. Катастрофически неправильное. И если с другой женщиной я бы на это забил, то с этой мне важно взаимопонимание и коннект.

Моё давление подскакивает. Вилка в моих пальцах гнётся. Злата с тревогой смотрит на это. Плохо. Отчуждение нарастает. Медленно откладываю деформированную вилку в сторону и беру другой прибор.

Сухо и вынужденно улыбаюсь, пытаюсь сгладить неловкость.

– Демид... Я не часть наследства. Наследство – часть меня. Если мужчина этого не понимает, он никому не конкурент.

Ого... а девочка-то не овечка. Цену себе знает.

– Я прошу прощения, Злата, если мой вопрос прозвучал так. Я его отменяю.

«Включись уже, Черкасов! – злуюсь на себя. – Перед тобой не какая-то дешевая девка. Фильтруй базар.»

Официант приносит еще одно блюдо с фруктами и заменяет им то, что стояло. Она разглядывает принесённые лакомства.

– Спасибо. Вы очень внимательны, Демид. Но не нужно было. Я уже сыта.

Отодвигает чашу чуть дальше.

– Мной по горло? – недобро усмехаясь я.

Ну, сложно мне быть каким-то другим!

– Спасибо за вечер, – игнорирует Злата вопрос. – Мне пора.

Ну, трындец, Черкасов. Как можно было завалить первое свидание? Могу я сказать в свою защиту, что полноценных свиданий у меня не было лет десять? И я уже забыл, как вести себя с женщиной, которая не априори купленная мной собственность. Бизнес сожрал во мне человека!

Смотрю в ее глаза. Вряд ли прокатит такое оправдание.

– Подожди, Злата. Я тебя отвезу.

Тачки у меня две. Мощный джип и лёгкий городской кабриолет. Сегодня жаркий вечер. Прошу, чтобы подогнали к крыльцу кабриолет.

Длинное платье в пол струится на округлых аппетитных бедрах. Не худосочная моделька, не перекаченный «фитнес». Формы отличные, очень женственные.

Подаю ей руку, помогая спуститься. И не желаю её выпускать. Возможно, мой характер и чувство такта испорчены безотказностью женщин. Но я не желаю отпускать и не отпускаю, несмотря на то, что это ее напрягает. Она бросает взгляд на наши сомкнутые кисти.

– Раз уж мы выяснили, что никакого гарема нет, то предлагаю повторить эксперимент с прикосновением, – поясняю я.

– Не уверена, что он безопасен.

– М. Не понял.

– Вилка гораздо прочнее моих пальцев. Вдруг Вас что-то... расстроит.

Вздыхаю, отпуская её руку. Меня иногда заносит на эмоциях, да. Вынужден констатировать, что эксперимент с прикосновениями провален. Открываю дверь машины.

– Куда? – уточняю, садясь за руль.

Протягивает мне визитку частной клиники с адресом.

– Не слишком далеко? Я могу дождаться своего водителя.

– Ну что Вы, Злата...

Нажимаю на кнопку, чтобы убрать над нами верх. Он медленно ползёт, открывая небо. Она как ребенок, не стесняясь, с любопытством наблюдает за этим, касаясь пальцами складывающейся поверхности.

И это тоже импонирует в ней, то, что она не пытается из себя строить ту, которой не является.

Только я собираюсь тронуть машину с места, как на перерез мне вылетает машина брата. Он криво паркуется, преграждая мне дорогу.

– Родион... – задумчиво склоняю голову на бок, разглядывая, как он вытаскивает с заднего сиденья огромный букет белых цветов – большие и маленькие розы, пионы, каллы... Красиво.

– Прости, брат, – улыбается он, не сводя восхищенных глаз со Златы. – Это Вам!

Кладёт ей на колени. Она растерянно принимает букет.

– Всё! Больше не мешаю! – примиряюще раскрывает ладони, ретируясь в свою тачку. И бьёт по газам, освобождая мне путь.

Я, обтекая, смотрю на этот чёртов букет.

– Извини... – цежу я, едва скрывая злость.

– За что?

– За то... что... я... позабыл о том, что женщинам дарят цветы. Это косяк.

– Ваш брат его исправил, – вздыхает она, отворачиваясь. – Вы же в одной команде, да?

Кровь стучит в голову. Мля. Забираю букет с ее колен и вышвыриваю его на асфальт. Её глаза распахиваются от шока. Ну вот такой вот я человек. Ты же любишь честность! Втапливаю педаль в пол.

– Пристегнись...

Злата с любопытством разглядывает витрины и высотки, мимо которых мы едем. Встаём в небольшую пробку. Возвращаю тент, включаю климат контроль, чтобы не дышать выхлопными газами. Надо попробовать реанимировать наше свидание. «Рот в рот», например... Рассматриваю ее манящие губы.

– Давно ты в Москве?

– Дней десять, – двигаются губы, завораживая меня еще сильнее.

– Нравится?

Пожимает плечами. Я чувствую тонкий запах ее духов, с легким восточным оттенком. Он кружит голову и делает мне еще горячее от ее близости.

Следит глазами за светящейся приборной панелью. Касаюсь незаметно сенсора, включая чувствительность к звуку.

– Какую музыку включить?

Светящаяся панель пульсирует тонами, улавливая все оттенки моего голоса. Брови Златы с удивлением поднимаются. Приоткрывая восторженно губки, касается пальцами светодиодных линий. Прячу улыбку. Забавная...

– Первый раз в такой машине?

– Дед любит более простые. И у нас был обычный джип.

Панелька играет цветами, реагируя на ее тембр. Мой голос определился как красный и темно-синий цвет, ее – сиреневые и золотистые тона. Красиво...

– А ты какие любишь?

– Не знаю.

– Может, куда-то хочется сходить?

– Может быть, – уклончиво.

Чего так сложно-то? Давай уже, иди на контакт, девочка! Брак же нужен не только мне, правда?

– Послушай, Злата... – подбираю я слова, пытаюсь контролировать интонации. – Наверное, я не самый позитивный и общительный человек. Но в муже ты ведь ищешь не это?

– Не это.

– То, что ты ищешь, у меня есть. Скажу больше – мне интересно это тебе дать.

Подумав немного, добавляю, сочтя, что предложение не достаточно привлекательно для нее.

– Я скажу еще больше: мне интересно это тебе дать не только потому, что наследство – часть тебя.

Демонстративный тяжелый вздох. Не очень вышло? Такой вот я хреновый исполнитель небанальных комплиментов. Но мы же уже договорились вроде бы, что в муже она ищет другие достоинства?

– Что не так?

– Всё так. Я Вас слушаю.

Опять мы куда-то не туда! Вроде как я хотел сделать комплемент. Девочка супер же, Черкасов, не можешь комплемент впечатляющий сделать, что ли? Нет, не могу. Мне кажется тот, что я выдал – идеальный. И я хочу, чтобы она начала понимать и принимать мой язык. Потому что я уже прокрутил фантазии сильно вперед, и наш брак, и правда, обязан быть удачным. А это значит...

– Нам нужно научиться понимать друг друга, согласна?

– Я Вас понимаю, – прохладно.

– Сомневаюсь, – дергается неконтролируемо моё лицо в недовольной гримасе.

– Я Вас раздражаю.

– Нет! – раздраженно перебиваю ее я.

Что с ней не так?!

– Вы сейчас раздражены, – искоса стреляет в меня взглядом.

– Не надо со мной спорить про то, что я чувствую, окей? – рычу я. – И вообще со мной не надо спорить. Если мы договоримся, что я всегда прав, то оба от этого только выиграем. Гарантирую!

И это – правда. О женщине проще заботиться, когда она не пытается тебе в этом препятствовать.

Отворачивается к окну.

Но прозвучало грубо, да. Ты – хам, Черкасов.

Это всё усталость от хреново идущих дел. И напряжение от того, что наш коннект так тяжело происходит.

– Злата, извини. Это было грубо.

В давно атрофированном порыве ловлю ее пальчики и на мгновение прижимаюсь к ним губами. Растерянно замирает. Зажатые в моей руке пальцы неуверенно дергаются. Сжимаю крепче, не позволяя отобрать. И как только расслабляются, отпускаю сам.

– Зачем Вы вообще меня пригласили? Родион сказал, что Вы хотите, чтобы я выбрала его.

Скотина! Бью по тормозам. И тут же резко срываю машину с места, лавируя в плотном потоке.

Конечно... Какой уж тут коннект может быть, после таких заявлений. Вообще, спасибо, что пришла и «слушает».

– Родион ошибся.

– Мои безопасники ошиблись, Ваш брат ошибся, я ошибаюсь...

– Да. Люди – идиоты. Поэтому, ты не слушаешь их, а слушаешь только меня. Первое – ты очень красивая, интересная девочка. Второе – ты меня не раздражаешь, у меня просто сложный характер. Ты быстро привыкнешь и это перестанет быть... проблемой. Третье – я ЛИЧНО заинтересован в браке. Хорошо? Про «идиоты» – это я не про тебя, – опомнившись исправляю я месседж. – Ты просто... заблуждаешься. По неопытности. Тебя ввели в заблуждение. Да. Так вежливее?

Молчит.

– Могу я попросить не усложнять мне задачу излишней молчаливостью? В нашей ситуации – это провал. Вернемся к нашему разговору. Куда бы ты хотела сходить?

– Вы вряд ли составите мне компанию.

– Куда? – сжимаю я переносицу.

Издевается что ли?!

– В парк аттракционов.

– Оу.

Аттракционы. Шумно, людно, хаотично... Детей там тьма орущих... Не.

– Может, еще куда-то?

– Нет.

– Нет? «Седьмое небо»... ВДНХ... Планетарий... Третьяковка...

– В планетарии я была. Третьяковку вдоль и поперёк выучила по виртуальным экскурсиям. А я не такой уж знаток и ценитель живописи, чтобы...

– Ясно, – перебиваю её. – Ладно, я услышал.

Чем плоха идея с «Седьмым небом», например, женщины его обожают? Но решаю не давить. Мы и так на грани провала. Парк аттракционов? Искоса разглядываю её лицо. Юная... Не баловали тебя маленькую развлечениями?

– Как зовут твоего брата?

– Тихон.

Попробую пригласить их обоих. Пусть развлекутся. Туплю, придумывая, что еще стоит спросить. Но...

Да, черт возьми! Я не хочу задавать все эти вопросы. Можно вырезать эту часть и перейти к... «Реанимации». Мне кажется «физика» и «химия» нас спасёт. По крайней мере меня эта непреодолимая тяга к ней уже держит крепко за известное место. Облизывает нижнюю губу. Это будет перебор, если я так обнаглею? Всего лишь поцелуй. Или меня опять заносит?

– Остановитесь, пожалуйста.

– Зачем?

– Я хочу пить.

– В бардачке минералка... Стой! Подожди!

Но уже поздно, ей в ноги с глухим грохотом вываливается из бардачка массивный ствол с глушаком. Неловкая пауза. Мля. Это моя охрана отобрала у одного нехорошего персонажа. Но не объясняться же с девочкой? Что я должен сказать? «Это не моё!»?? Паркуюсь, наклоняюсь, поднимая носовым платком долбанную пушку.

– Это муляж, – вру я, чтобы стереть страх и растерянность из ее взгляда.

Отдаю ей воду в маленькой бутылочке. Ствол кладу обратно. Надо срочно от него избавиться! Мда. Не похожа она на дуру. Муляж платочком не оборачивают, опасаясь оставить на нем отпечатки. Ладно, проехали!

На ее платье белые лепестки. Это опять заводит меня до чертей, напоминая про мелко-пакостного засранца-братца. Злата, следя за моим взглядом, тоже обращает на них внимание. Поднимает белый лепесток, с сожалением отпуская его в приоткрытое окно.

Цветы хоть подари, Черкасов, если уж выбросил её букет. Метрах в двадцати цветочный бутик. Открываю ей тент.

– Пять минут, – смотрю на бутик.

– Не нужно, Демид, – улавливает она моё намерение.

– Не нужно объяснять мужчине, что ему нужно, хорошо?

Нахмушивается, поджимая недовольно губы. Фак. Я опять груб. Мне нужен курс контроля гнева, наверное, и парочку по этикету. Бабушка говорит, я распустился и стал не сдержан на язык. Бабушка никогда меня не критикует зря. Но Родион просто взбесил! Сучонок. Какого хрена?

В бутике прошу собрать пастельно-розовый букет максимально быстро. Когда выхожу, моя машина уже пуста. Сбежала... Улыбаясь, бросаю букет на её сиденье.

– С характером, значит, моя золотая барыня, да?

А я облажался по всем статьям. Двоечник. Позвольте исправить, Злата Романовна? Мне очень нужно Ваше приданное. И я уже дико скучаю по Вашей неприступности. Даже не знаю, что будоражит больше... А еще мне кажется, никогда в своей жизни, я не выглядел настолько идиотом. Это любовь? Однозначно.

Протираю лицо ладонями, пытаюсь стереть с него глупую несвойственную мне улыбку. Дома паркуюсь рядом с машиной брата. Он обожает свою тачку. И сейчас она тоже вся вылизана до блеска. Подхожу к капоту и отламываю хромированную фигурку на нём. В последнее мгновение рука срывается. Режусь об острый край скола. В доме прислушиваюсь. Голоса из столовой.

– Да я хоть завтра готов жениться, отец. Она красотка!

От ревности кровь вскипает.

– Добрый вечер, – захожу я.

Пожимаю руку молчаливому отцу. Присаживаюсь напротив Родиона. Вытираю салфеткой от крови и кладу перед ним фигурку.

– Я хочу, чтобы меня слышали Родион, – вдыхаю поглубже. – У тебя с этим проблемы. Уверен, это поможет тебе сосредоточиться.

– Ты чо?? – поднимает на меня ошалевший взгляд.

Сдергивая со стола еще одну белоснежную салфетку, обматываю палец.

– Финиш! Нахрена?! Пап?! Что за беспредел он творит?!

Отец молча и безэмоционально наблюдает за нами.

– Нет у меня проблем!! – рявкает он, психованно подсакивая с места. – Я тебя очень внимательно слушаю, брат!

– Осядь...

Послушно падает на стул, обиженно пялясь на фигурку.

– Если я что-то делаю, Родион, я хочу, чтобы мне не мешали.

– Ты из-за букета что ли?! – закатывает он глаза. – Ну извини! Ты же сам велел произвести впечатление!

– Не за мой счет, – тихо рявкаю я. – Усвоил?

– Ладно... – забирает фигурку со стола и сваливает.

Встречаемся взглядами с отцом.

– Как наш инвестор? – строго смотрит он на меня.

– Не прост.

– Через три недели наш алюминий на границе поменяет статус на конфискат. И выкупить его будет сложнее и дороже.

– Я понимаю.

– Если ты понимаешь, дай мне результат.

– Работаю над этим.

– Поторопись.

Глава 4

Ревность

Спокойно, Черкасов, спокойно... Уговариваю себя, глядя в стену напротив. Кровь курсирует в моих венах, как-то по-особенному неприятно и вязко закручиваясь в груди. Потому что в парк аттракционов Злата поехала с Родионом.

Очень сложно принять, что мечту женщины, к которой ты равнодушен исполняешь не ты. Очень. Потому что, там лежат её эмоции, которые подаришь ей не ты, и съешь их тоже не ты. А я очень хотел бы пировать ни с кем этого не разделяя. И теперь со мной происходит какая-то дичь. Я не могу ни о чем другом думать, я не могу работать. Я просто завис на этом гребанном выворачивающем душу ощущении.

Если бы у меня была такая власть, я бы сейчас закрыл этот парк к чёртовой матери. Потому что второй возможности первый раз привести её на аттракционы не будет. Всё!

Утыкаюсь разгоряченным лбом в стекло, глядя на снующие туда-сюда машины. Что я сделал не так? Видимо – всё. Но вся беда в том, что, исключая тот неправильно сформулированный вопрос и не подаренный вовремя букет, я бы ничего не стал исправлять. Я не понимаю – как иначе. И не умею быть кем-то кроме себя самого.

– Демид.

– Слушаю, Регина.

– Ты не перезвонил Потоцкой.

– Ах да. Перезвоню.

Не сейчас только. Не желаю слышать сейчас других женщин.

– Как дела с инвесторами?

– Все отлично. Злата неплохо проводит время с Родионом, – скриплю я.

И для инвестирования это хорошо. А для меня лично... это...

– Что-то случилось, Дем?

– Нет. Ничего критичного.

Я должен как-то исправить ситуацию со Златой. И я, наверное, знаю – как. Хочу поговорить не с ней, а с Иваном Михайловичем. Есть в ее интонациях что-то такое, когда она говорит «дед», что-то такое восхищенное и уважительное. Наверное, мне бы хотелось, чтобы когда-нибудь она говорила с такой интонацией и моё имя. Конечно же, я бы прибавил еще парочку акцентов в его произношение... Хочу пообщаться плотнее. И так приблизиться к ней.

– Я могу чем-то помочь? – Регина все еще стоит где-то за спиной. – Хм... Может быть. Поговори со мной как женщина.

– Мм... В каком смысле? – настороженно.

– Сядь, – разворачиваясь, киваю ей на кресло. – У меня кажется проблема. Мне нравится женщина. А я ей не очень. Проблема в том, что я не могу это сгладить бабкам. И стать иным для того, чтобы ей понравиться – тоже. Есть какие-то рецепты в рамках этой маржи? Регина задумчиво останавливается взглядом на моем лице.

– Найти похожую женщину, которая будет более благосклонна?

– Не подходит. Дело не только во внешности. Отчасти она и нравится мне своей неблагосклонностью. Потому что это не манипуляции или капризы, это скорее попытка защитить свою уникальность и целостность. И там есть за что биться.

– Какая сложна задача.

– Так вот... – развожу руками.

– Может быть, ты ей показал только непривлекательные стороны товара? И если продемонстрировать положительные, то она сможет принять тебя и таким какой ты есть?

– Это может сработать, – киваю я. – Но опять же, проблема в том, что все свои стороны я считаю положительными. Нравятся они кому-то или нет.

– Тебе шашечки или ехать, Дэм?

– Допустим, ехать.

– Тогда покажи то, что может её очаровать. Чем-то же ты очаровываешь женщин, кроме кошелька. Продемонстрируй!

– Мне кажется она невинна.

– При чем здесь это?

– Если я ей продемонстрирую то, чем очаровываю женщин, боюсь это ее больше шокирует, чем вдохновит.

– Делать ставку на размер – это пошлость, Дэм! – усмехается Регина.

– Ну почему же только на размер? Я и в процессе неплох.

– Поищи что-то альтернативное.

– Навешать как следует оборзевшему сопернику считается? – рычу я, наблюдая за притормаживающей у крыльца тачкой брата.

– Боюсь, нет.

– Ну всё, тогда я пас.

– Значит, эта женщина нравится тебе недостаточно.

Достаточно она мне нравится!

Он помогает выйти Злате из машины. Сегодня она в широких брюках, облегающих ягодицы, в топе, обхватывающим ошейником шею и шляпке в мужском стиле. На руке висит пиджак. И это вау.

– Пойду поздороваюсь.

Спускаюсь им навстречу. Кровь кипит...

– Добрый вечер, – встаю у них на пути.

– Здравствуйте, Демид.

Я смотрю в ее глаза, в моей голове кино, как подхватывая за талию, я увожу ее в подсобку. Сдираю эти брюки и... И...

– Брат, – хмурится Родион. – Ты что-то хотел?

– Да.

Но если скажу – что, никто здесь не оценит.

– Мне нужно поговорить с тобой, Злата. Как освободишься, – бросаю взгляд на брата. – Набери меня, я спущусь.

И как идиот перелопачиваю у себя в кабинете все, что накопили про нее мои люди. Я ищу повод для разговора с женщиной? С девчонкой! Серьезно? Тебе заняться нечем больше?! Работы неупорот!

С раздражением швыряю все распечатки вверх. Они медленно кружат вниз, как листья с деревьев. И заваливают пол в кабинете.

Бросаю жадный взгляд на бар. Достая оттуда тяжелую полную бутылку. Она звонит мне. Видимо, «освободилась».

Черкасов, выдыхай! Хочет Родиона? Пусть выходит за него. Какие проблемы? В груди от этого решения очень больно ноет. Поноет недельку и отпустит!

– Да, – отвечаю по телефону ей. Держу бутылку над стеклянным журнальным столиком.

– Вы просили позвонить, Демид.

Моя грудь разрывается от того, что я говорю. Но голос ровный и прохладный.

– Я передумал. Вызову тебе такси.

– Спасибо, не нужно, Родион ждет...

Скидывает вызов. Закрывая глаза, разжимаю кисть. Бутылка с грохотом и звоном раскалывает каленую столешницу. Я чувствую острый болезненный кайф. В груди. Он утекает куда-то в живот. Очень болезненный. Настолько, что загибаюсь. Падаю на своё кресло.

– Убрать? – заглядывает секретарша, настороженно оглядывая грудку осколков.

– Нет! Мне нравится так! – срывает меня эмоционально на нее.

Растерянно смотрит, пытаюсь уловить в моем взгляде – что ей предпринять.

– Ладно, иди, Оля. Потом клининг вызовешь...

Порежется еще.

Включаю с пульта проветривание, спиртом несет как в больнице.

– Ну и чего ты сделал, кретин? – смотрю на себя в зеркало. – Зачем ты это сделал?

Это же не просто женщина. Это спасательный круг для твоей семьи. Ты думаешь, Родион потянет эту историю? Нет, я не думаю.

Встал, догнал, извинился. Давай!

Не могу!

Выбрала Родиона – её проблемы. Всё. Что бы еще сломать, чтобы это тяжёлое чувство быстрее отпустило? Наблюдаю в окно, как она садится в его машину. В последнее мгновение бросает взгляд на мои окна. Они затемнены, и она не может меня видеть.

Ладно, Черкасов, попсиховал? Успокоился? Теперь напрягись и сделай нормально. Давно меня так не сносило...

Глава 5

В черном списке

Больничная палата больше похожа на небольшую комнату в стиле хай-тек. Стальные тона. В изголовье на тумбочке горшок с цветком апельсина, планшет, книга. Пахнет свежестью и озоном. Иван Михайлович под капельницей. Без пиджака особенно заметна болезненная худоба.

– Добрый вечер, Иван Михайлович.

– Присаживайтесь, Демид.

Нажав кнопку на панели поднимает повыше изголовье.

– Вы хотели поговорить о делах?

– Не совсем... Я хотел бы поговорить о Злате.

Его взгляд заметно оживляется.

– О чем именно?

– Да я не знаю, если честно. Хотелось бы понимать её лучше, наверное. Может, подскажите что-то...

– Честно говоря, выбирая вашу семью, как партнеров, я делал ставку больше на Вашего брата, Демид.

– Почему?

– Они ближе по возрасту. К тому же... – поджимает он губы.

– Ну договаривайте.

– У него нет такого отягощенного анамнеза в личной жизни, как у Вас. А мне важно в какие руки попадет Злата.

Да в чем дело, мать вашу?! Вроде бы особенно не косячил, не скажу, что слишком зажигал. Дела обрушились на меня с юности, как на старшего наследника.

– А можно детали? Что мне инкриминируют? Помимо гарема, которого нет.

– Брошенный ребенок...

– Это не мой ребенок. Я сделал экспертизу. Дамочка просто решила срубить бабла. Ребенок из нашей семьи никогда не был и не будет брошен. Это позиция нашей семьи. Я за это отвечаю.

– На вас подавали в суд за избиение.

– Меня оправдали. Это были инсинуации со стороны очередной охотницы за бабками.

– В наше время суд выигрывает тот, кто состоятельнее, – пожимает он плечами.

– Ну что ж мне теперь – доказывать, что я не верблюд?

– Она еще и осталась Вам должна крупную сумму.

– Конечно, Иван Михайлович. Это единственный способ остудить остальных, которые вдруг сочтут, что могут безнаказанно меня поиметь. Мошенник пола не имеет! Или Вы не согласны?

Вздыхает. Прямо как Злата. Или скорее Злата вздыхает прямо как он.

– Ну и собственно слишком большое количество «охотниц за бабками».

– Да, – развожу руками. – Был такой косяк. Я, кстати, признаю, что это косяк и пересмотрел приоритеты. И я бы хотел это исправить. Удачным браком. Мне кажется брак со Златой имеет все шансы стать удачным. Но в свете той картины, которую Вы нарисовали, я теперь понимаю, почему она относится ко мне так настороженно, отстраненно и недоверчиво. Жаль...

Всё гораздо хуже, чем я ожидал. Отхожу к окну. Задумчиво смотрю вниз. Что в таких случаях делают? Доказывать что-то? Мне кажется, уже достаточно оправданий!

– Злата и Тихон – сироты, Демид. Мне остались дни... Они беспомощны пока в большом городе и большом бизнесе. Единственное, чего я хочу, это чтобы рядом с ними был достойный и равнодушный человек. Который не обокрадет их, а сохранит и приумножит их состояние, позаботится о них, пока они не наберут силу, чтобы заботиться о себе сами. А они её наберут. Порода у них такая.

Мда. Это он точно не про Родиона. Тот слишком разболтан и поверхностен. Его самого надо постоянно держать за шкуру, чтобы не урылся в какое-нибудь дерьмо.

– Вы меня понимаете, Демид?

– Конечно. Я Вам обещаю, что кого бы не выбрала из нас Злата, я позабочусь о том, чтобы она была защищена и... не обворована. И Тихон тоже. Семейный бизнес веду в основном я, так что это в моей компетенции – давать такие обещания.

– Я очень надеюсь. Как у бизнесменов, у вашей семьи безупречная репутация.

То есть я один из семьи попал в черный список, да? Круто. Родиону двадцать три, мне тридцать два. Думаю, его анамнез переплюнет мой через девять лет. Жизнь, она, сука, такая. Чем дольше живешь, тем отягощённее «анамнез».

Нам приносят чай. Я привык к кофе. Но сейчас с удовольствием пью. Мы бегло обсуждаем кое-какие дела. Но я возвращаюсь к цели моего визита.

– Мои люди нашли информацию как погибли их родители. Несчастный случай? – уточняю я.

Едва ли он был случаем, на мой взгляд.

– Нет... Мой сын и невестка не согласились продать прииск.

– Как же выжили в таком случае дети?

– Это непростая история. Быть может, Злата когда-нибудь расскажет ее Вам. Но, чтобы увести их из-под удара, мне пришлось оформить документы так, что продажа прииска будет возможна только после совершеннолетия Тихона.

А еще объявить его истощенным? Но в слух я этого не говорю. Эту тайну не надо никому знать. Иначе вороны и шакалы снова начнут брызгать слюной. Думаю, было не просто убедить всех в пустоте недр прииска. Дверь приоткрывается.

– Дед? Оборачиваюсь. Парнишка лет тринадцати. Худощавый, хмурый...

– Проходи, Тихон. Познакомьтесь. Это Демид Черкасов.

– Здравствуйте, – немного неловко мнется он.

Протягиваю ему руку, пытливо разглядывая. Похож на сестру.

– Дэм.

– Тихий, – пожимает он в ответ, так же пытливо разглядывая меня.

Нормальный пацан...

– Дед! – забегает следом Злата. – Мы тебе клубнику прине...

Обрывается на середине фразы заметив меня. Во мне всё вспыхивает и местами коротит, вызывая лаги и глюки в моей «оперативке». Потому что чудо как хороша! В джинсах, белой маечке, без макияжа. Две косички. Свежая, юная и прекрасная!

– Привет, – сглатываю я.

– Здравствуйте.

Но меня еще слишком бомбит, чтобы я мог просто наслаждаться этим, без своих болевых ревнивых спазмов.

– Как аттракционы? – претензионно дергаю бровью.

– Хорошо.

Мы стоим с ней друг напротив друга. Я перестаю ощущать, что здесь есть еще кто-то.

– М. Я рад, что тебе понравилось.

– В самом деле? – дергает бровью.

– Если в самом деле, то нет, не рад.

Прямой вопрос – прямой ответ.

– Ну Вы же все равно не хотели идти, Демид.

– Откуда тебе знать, чего я хотел на самом деле?

Стягиваю из её чашки крупную ягоду клубники. Тихон тихо разговаривает с дедом, а мы всё ещё стоим в дверях.

– Я хочу компенсацию, Злата.

– Компенсацию?! – распахиваются удивленно ее глаза.

– Да. За то, что обещанное мне свидание отдано другому.

– Разве я обещала? – скептически.

– Разве нет?

Морщась, съедаю кисловатую ягоду.

– Так, я могу рассчитывать?...

– На аттракционы?... – растерянно.

– Нет. Аттракционы уже не кондиция. Нужно что-то такое, что будет для тебя более интересным.

– Хм... Знаете что, Демид – хотите куда-то пригласить – пригласите, – сердится она. –

Если мне будет интересно – пойду.

– Вот всегда так.

– Как?

– За то, что младшему достается на халяву, старшему приходится биться в мясо.

– Вы про Родиона?

– Иван Михайлович, до свидания, – разворачиваюсь я. – Тихон, приятно было познакомиться.

Злата, съедает одну из ягод сама, раздавливая ее белыми зубами.

Хочу!.. Едва сдерживаю порыв впиться в этот сочный рот. Облизываю свои полыхающие губы.

– Я позвоню через пару часов тебе... – едва касаясь веду костяшками пальцев по её плечу.

Ухожу.

Глава 6

Лемби

Промучившись с час мыслями, что могло бы ей понравиться больше аттракционов, психую и отказываюсь решать эту задачу.

Я – не клоун! И я не про развлекать. Сложно было сказать самой?

Рассерженно медитирую на телефон. Чем плоха идея поужинать где-нибудь и пообщаться? Идеальное свидание, на мой взгляд. Но что-то мне подсказывает, что моей золотинке это не вставит. С общением у нас непросто.

Ловлю себя на мысли о том, что злюсь на неё до чертей! Потому что она не лёгкая добыча? Да, радуйся, Черкасов. Тебе ещё не осточертели дешёвки? До тошноты осточертели. И самое стрёмное, что я теперь заточен под них. Я это осознаю. И с трудом себя вытаскиваю из этого состояния.

Может что-то необычное подарить? Что может ее порадовать? У Ивана Михайловича в центре антикварный магазин. Еду мимо него. На витрине притягивающая взгляд дизайнерская композиция из самоваров, веретён, начатых кружев на коклюшках, икон в старинных окладах... и множество украшений из янтаря, малахита, коралла.

Антикварка – сложный бизнес. Не думаю, что он дает большой и стабильный доход, а вложений требует немало. Интересно посмотреть, что внутри.

Паркуюсь недалеко. Открываю дверь, колокольчик мелодично звенит. Оглядываю небольшой зал. Это больше похоже на музей. Злата помогает упаковывать в коробки «экспонаты». Я узнаю её еще со спины. Вернее, узнает вперед мозгов моё нервное с некоторых пор сердце. Я еще не понял, что это она, а сердце уже заходится в приступе тахикардии.

– Аккуратнее, пожалуйста... – просит Злата работников. – У нас закрыто, – разворачивается ко мне.

Закусывает губу.

– Привет, еще раз. Ревизия?

– Нет. Это все продано с торгов вчера, – с сожалением.

– Ясно... Всё-всё?

– Практически. Пару вещей мы оставили на память. Снимаю с крючка бусики из янтаря. Звенья сделан в виде шариков, на каждом вырезанные символ. Отшлифованы так хорошо, что палец на автомате гладит бусины.

– Это чётки. Старинные. Из Индии. Хотите подарю?

– Хочу.

– Возьмите, – мнет в пальцах кусок упаковочной бумаги.

Опомнившись берет в руки очередную статуэтку и начинает заворачивать. Кладёт в одну из коробок.

– Нет, нет! – перехватывает одного из работников. – Эту в зелёную коробку...

– Злата, могу я тебя похитить на ужин?

– Простите, Демид. Сегодня я не могу, – разводит руками, показывая на происходящее вокруг. – Дед просил проконтролировать, чтобы ничего не перепутали.

– А ты умница, да? Не только красавица? – поглаживаю пальцами бусины четок.

Злата поправляет волосы, не отвечая мне. Наклоняется над столом. Из выреза футболки выскальзывает чудной золотой медальон на длинной цепочке.

– А это что? – ловлю его в кулак и, раскрывая ладонь, пытаюсь рассмотреть.

Ахнув, дергается назад. Медальон выскакивает из руки.

– Нельзя! – распаивает широко глаза.

– Почему?

– Это лемби!

Как будто я должен знать что это такое. И... бояться этого.

– Лемби?

Смущённо прокашливается.

– Только для мужа, – соболиные брови серьёзно нахмуриваются. – Прикасаться нельзя.

– Подарок мужу?

– Ритуальный.

– Почему нельзя прикасаться?

– Только муж.

– Как невинность?

Щеки красиво покрываются алым... Мы сталкиваемся взглядами. Между нами происходит что-то очень интимное, уязвимое... Я зависаю, замороженный этим. И опускаю взгляд первым, под давлением очень редкого, практически незнакомого чувства, которому я не знаю названия. Оно заполняет мою грудь, распирая её и пьяня меня близостью с совершенно посторонней мне по сути девушки. Такой близостью и интимностью, которой у меня не случилось даже в самых откровенных запилах... Да о чем я вообще? Как это можно сравнивать?

– Подари мне... его, – ловлю снова её взгляд. – Я же уже прикоснулся.

Сжимает медальон в кулак. Шаг назад.

– Вам пора, Демид. Мне нужно работать.

– Я сказал что-то обидное? Прошу не принимать прямоу за оскорбление. Я точно этого не хотел.

– Нет, не сказали. Просто... – мнётся она.

– Просто Вам рассказали, что я плохой человек? А Вы поверили.

– Что же мне делать, если времени узнать человека у меня нет? Но ошибка может стоить мне...

– Я понимаю... – моргаю ей я. – А что делать мне, если у женщины нет времени узнать меня? Но её ошибка будет стоить мне...

– Состояния?

– Нет. Даже если ты выберешь Родиона, то эта проблема будет решена.

– Хорошо. Поужинать с Вами я смогу завтра, – сдаётся она.

– Увы завтра не могу я, – разочарованно вздыхаю.

С утра у меня тьма неотложных дел, а вечером семейный ужин. Это традиция и там, по нашей общей договоренности, не бывает никого постороннего. Только члены семьи.

– Ну что ж... – осаживается она, делая ещё шаг назад.

– Я позвоню ближе к ночи, хорошо? И что-нибудь придумаю.

Кивает.

Сев в тачку, раздражённо стучу пальцами по рулю. Всё наперекосяк. Но не могу я бросить все дела! Это же, на минуточку, и её дела, в будущем.

– Как она сказала? – вспоминаю ее медальон, прикосновение к которому так её взвело. – Лемби?

Ввожу в гугл.

«Карельское слово „lembi“ ведёт свое начало от культа древнего одноимённого божества любви. В славянском мире данному понятию соответствовала „славутность“ – девичья привлекательность, красота, манкость, очарование. В языческой культуре лемби использовался девицами в свадебных ритуалах и приворотях. Парень, принимая от девушки лемби, навсегда покорялся ей, становясь суженым...»

– Ну, супер, вообще! Мало мне было...

И так ночами не сплю! Приворожила, так приворожила... Да ладно! Не верю я в это всё.
Но лемби её я уведу по-любому! Из принципа.

Повесив на зеркальце четки, еду домой.

Глава 7

Альянс

Сегодня воскресенье. Я сижу и разгребая тучу документов дома в кабинете отца, а Родион проводит время со Златой. Меня порвал этот факт. И я смотрю в бумаги и нихрена не вижу.

Родион. Хочешь Родиона? Пусть будет Родион!

Это так уничтожающе. Что я познаю себя заново. Шокированно и растерянно, я узнаю про себя много нового. Оказывается, я несколько иной, чем привык думать о себе. Меня оказывается легко ранить. Не каждому. Но ей удалось. Единственной. Какая по сути мелочь – свидание с другим мужчиной. Она же не моя женщина, в конце концов. Но моё нутро требует, чтобы она определилась также быстро и бесповоротно как я!

Иначе... Иначе, мне невыносимо её присутствие в моем периметре. И я жду, когда это разрушающее ощущение отпустит. Но оно только нарастает, не позволяя мне спать, дышать, есть...

Я хреново выгляжу, убито себя чувствую и не могу включиться полностью в реал. Возможно, мне стоит провести время с другой женщиной. Я ведь тоже не ее мужчина. Поможет? Едва ли...

Вдыхаю, как перед погружением в воду. Выхожу в гостиную. Семейный ужин – это нерушимая традиция и дань уважения бабушке.

– Наталья! – зовет отец в столовой. – Еще один прибор. У нас будут гости.

Наталья. Никак не могу привыкнуть, что она существует. Новая жена отца. Для меня она пустое место. Я просто терплю её, потому что это решение отца. Зачем было оформлять эти отношения я не понимаю. Она моложе его лет на тридцать. К тому же глупа и безвольна. Хорошо хоть знает своё место.

Наталья – это покупка. Кукла. Она была никем, когда он ее подобрал. Никем и осталась. С небольшой поправкой на более приятный уровень жизни. В нашей семье она уже лет пять. Светленькая, миловидная овечка, которая побаивается всего и всех, держится в тени отца.

– Добрый вечер, Демид, – не поднимая взгляда бросает она.

Киваю.

– Гости? – дергаю бровью. – Это что за новости?

Пожимает плечами. Вот и все наше общение. Стол уже накрыт. Отец садится с торца. Я – по правую руку. Слева от него место Натальи. Потом – Родиона. На противоположном торце стола – бабушка. Между бабушкой и Родионом всегда пустой стул. Это место его гипотетической жены. А между мной и ей – два стула. Там могли бы сидеть Злата и Тихон. Бабушка, проходя мимо меня приветственно сжимает моё плечо.

– Привет, ба.

– Привет, внук.

С Натальей она не здоровается. И вообще делает вид, что ее не существует. Решение отца жениться в свои почти шестьдесят на молоденькой девочке ее покорило и оскорбило. Я даже знаю, что она предлагала Наталье небольшой откуп. Но та не согласилась и приняла предложение отца. Встаю, отодвигаю бабушке стул.

– Как чувствуешь себя?

– Не задавай глупых вопросов, Демид. Доживаю в этом отвратительном мешке из кожи, мяса и костей. Всё к чертям перемешалось в нём. Сердце стучит в голове, про остальную требуху вообще молчу.

Бабушка сурова к себе и к нам. Мизантропична, суха и ядовита. Но я, пожалуй, люблю ее больше всех остальных.

– Прошу прощения за опоздание! – слышу со спины полный энтузиазма голос Родиона. – Мы заезжали за вином.

Мы?

– Здравствуйте, – слышу спокойный голос Златы.

Разворачиваюсь. На запястьях широкие золотые браслеты. Волосы собраны. Коктейльное платье обнажает роскошные безупречные ноги. Мой взгляд скользит по ним, замирая на золотистых сандалиях. Я все также остро и непобедимо желаю обладать этой женщиной. И не готов уступить её брату. Они присаживаются за стол. Злата садится на место «жены» Родиона.

– Раз уж Злата все равно станет членом нашей семьи, я решил пригласить ее на ужин.

А так можно было, да? Да ты тупой, Черкасов! Перевожу на неё тяжелый взгляд.

– Наша золотая девочка, как я понимаю, – рассматривает бабушка Злату.

– Нина Андриановна, – представляет ее Родион. – Моя бабушка. Злата – моя невеста.

Злата вздрагивает и на мгновение теряется. А я взрываюсь!

– Ты определилась с выбором, Злата? – цежу я.

– Нет. Пока еще нет.

С вопросом смотрю на брата.

– Могу я помечтать? – как ни в чем не бывало улыбается он, сжимая ее кисть, лежащую на столе.

И у него она свою руку не отбирает. Просто висит, теряясь взглядом в пространстве.

– Но и тянуть не стоит, – вмешивается отец. – Иван Михайлович просит и тебя, Злата, и нас поторопиться, чтобы самому проконтролировать оформление всех документов.

– Я помню.

Наши взгляды периодически сталкиваются. Я вижу, что ей некомфортно. Кусок не лезет мне в горло. Там занято. Там огромный распирающий его ком. Бросаю это мучительное занятие – есть при ней. Залпом выпиваю стакан минералки.

– Говорят: карелки – все сплошь ведьмы, – глядя пытливым на Злату бросает бабушка.

– А разве женщины из других краёв – нет? – подрагивающим голосом парирует Злата.

– Не все, – удосуживает бабушка скупающим взглядом Наталью.

– Но как по мне, так лучше уж ведьма.

Встаю, наполняя бокалы женщинам.

– Каково это – жить на краю света? – интересуется бабушка. – В глухой деревне.

Злата смотрит ей в глаза.

– У нас была хорошая усадьба. Не хуже вашей. Правда немного поменьше. Современная техника. Интернет. Городские репетиторы.

– Мм... То есть не совсем дикарка?

– Мама! – одергивает ее отец.

– Я не могу судить о себе – насколько я дикая, это судить вам.

– Тебе нравилось твоё детство?

– Вполне.

– Что сейчас с твоим прииском?

– Истощен.

– Выставишь на торги?

– Нет. Нечего там продавать, – немного нервно. – Порода в шахте пустая. Жила давно иссякла. Посёлок и земля будут принадлежать моему брату, Тихону.

– Кстати, – вмешиваюсь в разговор я. – Почему ты без брата?

– Потому что я еще не сделала окончательный выбор в пользу Вашей семьи.

Мои безопасники пробили уже всех наших конкурентов.

– Не говори так, – шепчет ей Родион. – Иначе мне придется убить соперника.
Закатываю глаза. Дешёвый пикап. Злата тоже недовольно хмурится.

– Из двух моих внуков, золотая девочка, я как женщина, советую тебе предпочесть старшего.

– Ну, ба! – недовольно смотрит на неё Родион. – Бабушка шутит, Злата.

– Шучу? У меня вообще нет чувства юмора, – сварливо.

– Почему старшего? – с вниманием смотрит на нее Злата.

– Он уже настоялся как приличное сухое вино. А Родион... он как шампанское. Пены много, в голове шум, весело, но недолго. А наутро от него должно быть болит голова.

– По твоей логике, бабушка, Злата вообще должна выйти за нашего отца.

– Пф! Что за глупости. Альберт – это уже укус. Им только кусок мяса замариновать можно, – бросает она снова взгляд на Наталью.

Та всегда делает вид, что ее не касаются оскорбления бабушки. Отец не заступает за нее.

– Что тебе больше нравится, Злата, шампанское или сухое вино?

– Боюсь, не разбираюсь ни в том, ни в другом.

– Тогда доверься вкусу опытной, прожившей жизнь женщине. Сладость – не главное. Главное – послевкусие...

– Спасибо. Я подумаю над вашими словами.

Бабушка скептически смотрит на мою нетронутую лазанью.

– Наш повар разучился готовить?

Нет, это я разучился есть.

– Нет аппетита. Если ты поела, Злата, то перед десертом, могу я выкрасть тебя для делового разговора? – отодвигаю от себя чашку.

– Брат! Не время о делах.

– О делах всегда «время», Родион, – осаживает его отец.

Отодвигаю ей стул, увожу в сад.

Молча медленно идём рядом. Она останавливается у розового куста, который только набрал бутоны.

– Если хочешь, их срежут для тебя.

– Нет! – отшатывается назад. – Я не хочу. Пусть расцветают.

– Хорошо... Не всегда умею быть тактичным. Я прямой человек. Простишь мне это?

– Говорите, Демид.

– Я знаю какие кандидатуры ты рассматриваешь еще. Если отбросить личное, то брак с мужчиной из нашей семьи тебе более выгоден.

– Возможно.

– Абсолютно точно. Я даю ей краткий, но ёмкий расклад по каждой кандидатуре. Их бизнесу. И бесперспективности ее вложений. Обосновываю – почему. Внимательно слушает.

– Быть может только Киров. Но Кирову прилично за сорок. Такая разница в возрасте... – качаю я головой. – К тому же три жены за плечами и целый выводок наследников.

– Киров – нет, – качает она головой.

– Могу я узнать почему? Мне это важно.

Мне кажется мы чем-то похожи с Кировым. Может быть подходом к делам.

– Не хочу вдаваться в детали.

Терпеливо вздыхаю пару раз. Почему-то хочется наорать на неё. За то, что так одаренно осложняет мне любую задачу. Но я, конечно же, сдерживаю себя. Повышать голос на женщину последнее дело. Тем более на такую юную и прекрасную.

– Кирова я не рассматриваю. Я рассматриваю его старшего сына, – останавливается, поднимая взгляд.

– Ему... восемнадцать! – припоминая фыркаю я.

– А мне девятнадцать. Год разницы.

– Да! Но... – развожу руками.

– Но?

– Твой лемби уже был в моих руках! – недобро улыбаюсь я, решаясь пошутить.

Ее рука тут же взлетает, прикасаясь к медальону через одежду, словно проверяя на месте ли он.

– Но Вы же сами... – растерянно.

– Ладно. Оставим лемби в покое. Коль уж ты ни разу не пошла с ним на свидание... А она не пошла! Мою люди контролируют каждый ее шаг. – То, – продолжаю я. – Перед тобой стоит вопрос: я или Родион.

Отворачивается, пряча эмоции. Прислоняется к старым навесным качелям.

– Твой сын или дочь будет старшим наследником в нашем роду. Ваше состояние и Вы будете защищены. Я лично тебе это обещаю. Ты же не пойдешь к Кировым, правда?

– Не пойду... – шепчет она.

– Тебе неприятно... необходимость брака, так?

– А Вам? – разворачивается, заглядывая в глаза. – Вам приятна необходимость взять в жёны чужую незнакому девушку?

Опускаю взгляд.

– У мужчин всё иначе, Злата.

– Да. Это так. Я Вас поняла! – срывается ее голос.

– Вряд ли... – качаю головой. – Не нужно драматизировать. Я постараюсь тебя защитить от всего, чего ты боишься.

Протягиваю ей ладонь. Очень-очень медленно тянется к ней пальцами, не сводя с нее глаз. словно это капкан. Не выдержав, подаюсь вперед, ловлю и сжимаю ее тонкие пальцы. Мы смотрим друг другу глаза.

– Можно влюбиться в девушку с первого взгляда? – неожиданно спрашивает она.

В голосе столько болезненности, что это трогает меня.

– В ведьму? Можно, – сглатываю я.

Не торопясь тяну её за руку к себе, сердце выпрыгивает из груди. Сейчас, по тому, как она трепещет и открывается эмоционально, мне кажется, что она сделает правильный выбор. Вот он – коннект между нами. И моя вся болезненность развеивается. Грудь наполняется совсем иными ощущениями. Это похоже на парение. Меня снова глушит от неё.

С усилием преодолевая незримый барьер, я веду костяшками пальцев по обнажённому плечу, наблюдая, как ее кожа покрывается мурашками. Она вздрагивает, но не отстраняется от моего прикосновения, а словно прислушивается к нему. Башню сносит. И я прихожу в себя, когда мои губы уже касаются её ладони. Вдыхаю глубоко-глубоко головокружительный запах!

Звонок ее телефона резко и безжалостно обрывает это волшебство ощущений.

Злата делает несколько шагов в сторону, отворачиваясь от меня.

– Да? – немного заторможенно. – Да, это я.

Я ревниво прислушиваюсь к каждому слову и интонации. И мне не нравятся интонации и как поднимаются ее плечи, словно она пытается сжаться.

– Вы звоните не по адресу, господин Дагиев. Я больше не распоряжаюсь этим имуществом, – голос подрагивает, как в ситуациях, когда она волнуется. – Я ничем не могу Вам помочь, даже если захочу. Не надо мне звонить!

– Кто это, Злата? – негромко спрашиваю я, бережно разворачивая за плечи.

Ее шея в пятнах. И на лице волнение, смешанное с тревогой. Забираю из рук телефон. Никто не будет с ней разговаривать так.

– Черкасов. Юридический представитель Златы Романовны. С кем я говорю?

– Черкасов? Демид Альбертович?

– Он самый... – хмурюсь я.

– Дагиев Армаш. Значит, дела Ольховских теперь ведут Черкасовы?

– Да.

– В таком случае, я пришлю вам наше коммерческое предложение на почту. И очень советую принять по нему положительное решение.

– Это угроза?

– Ну что Вы, Демид Альбертович, это совет! – елейно. – Кстати, нам и Ваш бизнес интересен тоже. Говорят, у Вас долги?

– Врут! Предложение мы рассмотрим. Всех благ.

Скидываю вызов.

– Что за черт? – дергаю бровью.

– Эти люди... они скупают земли в нашем районе, где есть золотиносные жилы.

– Понял. Угрожают?

– На грани... – уклончиво.

– Не разговаривай с ними сама, хорошо? И номер смени. Я куплю тебе симкарту на левое имя. Пусть выходят сразу на меня.

– Я муха в паутине... – задумчиво, словно констатирует факт, без попытки изобразить из себя жертву. – Никуда мне от Вас не деться.

– Муха?... Ну какая же ты муха? Ты бабочка... – срывается мой голос от трепета.

Протягиваю ей раскрытую ладонь.

– Это хороший взаимовыгодный альянс, который может осчастливить нас обоих.

И мы снова делаем это: она нерешительно зависает пальцами над ней. Но я в этот раз не перехватываю. Ну, давай... сама... пожалуйста! Рисует на моей ладони восьмерку, как я ей в ресторане.

– Не бойся. Я не паук.

– Сказал паук...

– Ну, может, самую малость мне и хочется тебя пленить и... съесть, – хрипло признаюсь я. – Но не обидеть.

В порыве перехватываю ее руки, веду губами по пальцам. Фак... это так мучительно сладко! Моё тело сводит от желания. Не контролируя себя горячо выдыхаю, зарываясь носом в её волосы. От запаха отключаются тормоза.

Теперь в моём кармане звонит телефон. Злата, отмерев, отлетает от меня, прячась за навесные качели, как за преграду между нами. Бросаю взгляд на экран. Номер незнакомый.

– Черкасов.

– Демид, это я, – женский знакомый голос. – Не дозвониться!

– Юля?

– Да.

– Перезвоню.

Скидываю вызов. Делаю шаг к качелям.

– Не убегай...

«Моя... моя... моя!» – стучит в голове. Я чувствую, что моя! Её янтарного цвета ясные глаза приближаются, закрывая и поглощая все вокруг. Я понимаю, что уже прижимаю ее к дереву. И как зачарованный поглаживаю пальцем её губы, пытаюсь не сорваться. Потому что... поцелуем я не смогу ограничиться сейчас. Я так голоден... по ней голоден! Я вообще, мля, не умею ограничиваться! А она девочка... И нам вообще-то не стоит торопиться.

Надо насладиться прелюдией и растянуть ее максимально. И я глажу эти мягкие, приоткрытые губы, мучительно агонизируя и балансируя на тонкой грани. Злата замерла, её ресницы медленно падают вниз.

– Мм... – гашу я стон, сжимая зубы.

Да гребанный телефон!! Но годами отточенный рефлекс срабатывает вперед выключенных мозгов. Я подношу его к уху.

– Да! Придерживая Злату пальцами за подбородок, утыкаюсь своим лбом в её, не позволяя ей нарушить эту близость и сбежать.

– Дэм! Я просто скажу это и всё, это важно!

Опять Патоцкая!

– Десять секунд у тебя, – рычу я в губы застывшей Злате, успокаивающе лаская пальцем нижнюю.

– У меня СПИД, Дэм. И ты в группе риска. Всё.

– Чего?...

СПИД?! Причем здесь я? Потому что Черкасов, в этом случае обзывают всех партнеров, чтобы они не заразили следующую партию...

Фак! Испуганно отдергиваю руки от лица Златы, пытаюсь переварить осмысленное. Медленно дыша, аккуратно поправляю прядь ее волос. Отстраняюсь.

– Что-то случилось? – шепчет она тревожно.

– Да. То есть – нет. В смысле... – в шоке, отрицательно и положительно качаю головой.

Мне срочно нужно сдать кровь.

– Мне нужно уехать сейчас. Вернись за стол, пожалуйста. Я позже позвоню...

Растерянно смотрит мне в глаза. А я прячу свой взгляд. Мне страшно, что она прочитает в нем «что случилось». Поспешно сбегаю, иду к своей тачке. Господи... хоть бы пронесло! Мы же пользовались резинками. Точно? Всегда? Я не уверен на сто процентов. Не всегда был трезв, может и косячили по мелочам. Но этого уже достаточно! Как давно мы расстались? У нее были другие партнёры? Месяца три. Наверняка были...

Она могла заразиться после меня? Но если диагноз «свежий», она бы сказала ВИЧ, а не СПИД, так? К сожалению, я нихрена в этом не разбираюсь. Все время ведь кажется, что это пройдет мимо тебя.

– Сука!! – в ярости пинаю колесо своей тачки.

– Демид Альбертович?... – вылетает охранник с вопросом глядя на меня. – Все нормально.

Доезжаю до первой приличной лаборатории. Воскресенье, вечер. Не работают. Хочется расхреначить эту долбанную дверь. Спокойно, Черкасов. Нужно вернуться домой. И успокоиться до утра. Но я не могу. Там же Злата. Она ни в коем случае не должна знать про это. А мне кажется, у меня неоновая надпись на лбу, что я на измене и по какому поводу.

Сажу в тачку, нервно выстукивая по рулю дробь. Бегло просматриваю на телефоне информацию про вич, спид, как это влияет на качество жизни...

Если анализ будет положительным – это всё. Крах! Как жить дальше неполноценным я не представляю. Я бы не пошел на такой брак в её положении. Ни за что! Это как постоянная игра в русскую рулетку. Один выстрел в себя, второй в ребенка и снова крутим барабан. Нет. Нет, конечно. Я и сам такого не хочу для неё. И я корю себя за все дешёвые связи, что я себе позволял. Не стоили они того!

– Мать твою! Где ты была раньше, девочка?! Мы были бы женаты, счастливы, у нас были бы дети, а не вот это всё дерьмо!..

Акстись, Черкасов, она еще вчера школьница. Я бы, сука, подождал! Всё равно ничего стоящего за последние годы не было. Протираю руками лицо. Без паники! Может еще и пронесёт.

Доезжаю до аптеки, покупаю три ферментных теста на ВИЧ. Сидя в тачке, с колотящимся сердцем, распечатаваю тест. Читаю инструкцию. Провожу, как написано, тестером по десне. Включаю будильник и ложусь на руль, закрывая глаза. Нужно ждать двадцать минут. Это самые

долгие двадцать минут в моей жизни. За эти двадцать минут я просматриваю в голове два альтернативных фильма. В первом в главной роли я и Злата. Это очень охрененный фильм! От того насколько он может быть замечательным, у меня до боли сжимается в груди. Второй фильм – короткий и печальный. Там только я и непроглядное гадливое ощущение беспомощности и пустоты.

Будильник плачет.

– Господи... никаких больше шлюх, никогда! – клянусь я. – Только жена.

Опускаю взгляд на тест. Две полоски... Я – положительный.

AAAAA!!!

Дни идут, я чувствую себя в каком-то непроницаемом коконе. Я как автомат выполняю все обязанности, что привык выполнять. Живу в своей небольшой студии, не готов возвращаться домой пока. Мыслей нет. Только белый шум в голове и панически сжатый живот.

Позвони ей, Черкасов. Позвони, пока не поздно. Беда в том, что уже месяца три как поздно. Листаю серию фоток на ноутбуке, которую сделал мой человек за последние трое суток, пока я разбираюсь со своей личной катастрофой. Родион от неё не отходит. О развлечениях он знает всё. А мне некогда. Я, мля, всегда работаю! Но в завоевании молоденьких девочек это не оправдание. Я взял бы её и так, без всей этой пены. Я уже почти сделал это. Но для того, чтобы «удержать результат», как минимум, нужно разговаривать. А я что-то не могу. Что я ей скажу? Что пообещаю?

В завещании прописан общий наследник, который получит право управления компанией по достижению тридцати лет. Какого наследника я могу ей дать?! Больного ребенка? Да, при нужной терапии есть высокие шансы родить здорового. Но риски не отменял никто. Зачем ей эти риски? Она не влюблена в меня до беспамятства, чтобы так рисковать. Я не имею права вмешиваться в развитие их отношений с Родионом. Я не готов её губить следом за собой. Да?

Одна надежда на то, что результат ложный. Эти тесты косячат...

– Дем? Ты меня слушаешь? – отрывает взгляд от бумаг Регина.

– Конечно.

– Итак, счет на оплату таможенной пошлины.

Я смотрю на сумму. Мне нехорошо...

Это неожиданно падение акций спутало все планы. Риск был менее пяти процентов, но мы влетели в него! Что-то в последнее время, судьба не на моей стороне. Я попадаю во все минимальные риски.

– Обрати внимание на сроки.

– Неделя. Я понял.

– Еще. Ты просил напомнить тебе позвонить Злате Романовне.

Словно, я в состоянии забыть! Да я каждую минуту думаю об этом.

– Дальше...

– Дагиев прислал тебе предложение. Он готов перекупить наш долг и концерн. Вот сумма... А это сумма за прииск и земли Ольховских. Кладет передо мной.

– Класс! А чего так дешево-то? Пф...

– Он звонил мне лично.

– Даже так?

– Вернее его человек. Предложили крупную сумму за содействие... любого плана. Звучало неоднозначно.

– Ну всё, забежали падальщики! Если мы быстро не решим вопрос нас сожрут рейдеры. Надо вывезти из офиса печать и часть документов. Займусь с понедельника.

– И последнее на сегодня: в приемной ждёт врач. Ты назначил встречу.

– Пригласи.

Это один из ведущих инфекционистов. Я отправил ему свои анализы. – Добрый вечер, Демид Альбертович.

– Добрый вечер. Присаживайтесь. Давайте сразу к делу, без предисловий.

– Окей. ПЦР тоже дал положительный результат... Зажмуриваюсь. Глохну. Всё!

– Демид Альбертович...

– Я слушаю, да.

– И все же несмотря на это, я бы не поставил Вам диагноз.

– Ну? Продолжайте! – нервно делаю глоток из бутылки с минералкой. – В анкете вы указали деловую поездку в Африку накануне. Вас вакцинировали?

– Ну конечно!.. – развожу руками. – Несколько вакцин.

– По срокам эта вакцинация может дать ложноположительный результат.

– То есть, я не заражен? – вытираю пот со лба.

– Пока что нельзя достоверно сказать ни да, ни нет. Но вы обязаны сообщить всем вашим партнершам, которые были в этот период, что есть риск. Достоверно можно сказать только после того, как вакцинирование перестанет влиять на результат тестов. Предполагаю, что тогда мы получим отрицательный результат. Но это не будет значить, что вы здоровы. Незащищенный контакт был. Инкубационный период может быть затяжным.

– Когда я узнаю точно?

– С Вашим анамнезом контрольное тестирование через полгода после вакцинации. На данный момент, я склонен считать, что этот результат ложноположительный. Косвенные анализы не подтверждают диагноз.

– Полгода?!

– Если бы не было контакта с инфицированным, и дело было только в прививке, то было бы все проще. Но контакт был. Поэтому необходимо максимально корректно провести тесты и исключить редкий случай затянутого инкубационного периода.

– Да, конечно.

– Не отчаивайтесь. Шансы очень высоки.

– Спасибо, что обнадежили.

– Вы точно понимаете Вашу ситуацию?

– Вроде да. Антитела есть, но это не значит, что я болен. Вероятно, скоро они не будут обнаруживаться в анализах, но это не будет значить, что здоров?

Я грёбанный «Кот Шрёдингера»...

– Всё верно. Мне проконсультировать Вас по безопасности?

– Да. Но не сегодня.

– Я бы посоветовал некоторые иммуномодуляторы.

– Тоже – да. Но тоже – не сегодня. Спасибо.

Коротко улыбнувшись, врач уходит. Полгода. У нас нет столько времени со Златой, увы. Придется отдать её без боя? Аут. Давлю на рычаг кресла, оно раскладывается подо мной. Складываю ноги на подложку, откидываясь назад. Вот так вот в тридцать с копейками вылететь на обочину жизни. И наблюдать как мимо несутся другие. Методично вливаю в себя минералку.

В холодной ярости зашвыриваю бутылку в стеклянный шкаф с папками. Звон... грохот... Я не готов к этому! Мне нужно полгода. Полгода для меня и Златы. А деньги нужны сейчас... Буквально – послезавтра.

– Демид Альбертович? – заглядывает секретарша. – Регина ушла?

– Ушла.

– А который час?

– Девять.

– Иди тоже домой.

– Здесь... кое-что... не знаю, уместно ли...

– Говори.

– У нашей работницы... клинниг... убирается у Вас здесь и в кабинете Родиона Альбертовича.

Который пустует.

– У нее несчастье в семье, дочь попала в аварию. Она просит помочь. На операцию. Иначе девушка останется инвалидом. Родион Альбертович отказал, сказал, что у компании непростые времена.

Вот и еще кого-то несет на обочину. Девушку...

– Сколько нужно?

– Сто тысяч. Остальное собрали.

– Всего-то? Скажи, что я распорядился выдать.

– В долг?

– Господи... – оскаливаюсь я. – Так ей дай денег! Выдвигаю ящик стола, там тысяч сто пятьдесят. Отсчитываю сотку, отдаю.

– Скажи, что у нее отпуск десять дней.

– Оплачиваемый?

– Да.

Не люблю мелочиться.

– Спасибо.

Раздражённо взмахиваю рукой. Если бы все проблемы решались так!

Глава 8

Бестелесное привидение

Набираю Злату.

– Слушаю, – сдержанно.

Мне кажется, я не спутаю этот голос ни с каким другим больше. Он звучит прямо в мою грудь, отдавая чувствительным эхом вниз живота. Он делает мне больно.

– Добрый вечер.

Хрена с два он добрый, конечно.

– Добрый вечер, Демид.

– Ты сделала выбор?

– Нет.

– Потому что?...

– Потому что... – знакомый вздох. – А почему Вы звоните только сейчас?

Три дня прошло.

Да, я косячу! Но вся моя энергия слита в диагноз, а слабым и разбитым я не хочу общаться с ней. Не могу! Это так жалко...

– Я прошу прощения. Дела.

– Мм. Ясно.

– Очень сложный период. Правда. Но мне показалось, мы договорились.

– Мне тоже. Но потом перестало так казаться.

– Я. Прошу. Прощения! – чеканю я. – Если бы я мог, я бы был рядом. Ты обещала сделать выбор быстро. Завтра?

Моя нервозность сквозит и в голосе. Если она выберет меня, я просто не буду трогать ее до тех пор, пока не буду уверен наверняка. Супер, Черкасов! А если ты таки положительный? При разводе она заберет у семьи все, согласно брачному договору. Или ты думаешь, она будет жить с инфицированным? Развода не будет, нет. Это исключено. А что тогда будет?

Включив мозги, и отрубив дурную мышцу в груди, я понимаю, что просто обязан отдать девочку брату. Но... Но. Я что похож на доброго самаритянина? Нужно придумать что-то. Очнувшись понимаю, что мы уже несколько минут молчим по телефону.

– Злата.

– Что?

– Я могу сделать что-нибудь для тебя? Прямо сейчас? Чтобы исправить моё трехдневное молчание.

– Можете.

Напрягая пресс, присаживаюсь ровнее.

– Вы можете разделить со мной ужин. Прямо сейчас.

Моё сердце вылетает на метр вперед, как у мультяшного персонажа и пульсирует, переливаясь всеми цветами радуги. По ощущениям, конечно.

– Я бы хотела еще раз... поговорить. Перед тем, как определиться.

Оттягиваю рывком галстук, отрывая нечаянно верхнюю пуговицу на рубашке. Губы растягиваются в улыбке. На мгновение. Но несколько секунд я мля счастлив, как пёс, которого погладили. Ужин...

А можно между нами поставить тонкое разделяющее стекло? На всякий случай. Не гони, Черкасов, не передается эта хрень бытовым путём. Тебя же не в постель пригласили, а на ужин. Посидите в ресторане на приличной дистанции.

– Где ты?

Сомнения... Но желание побыть с ней немного, побеждает.

– Дома.

Ооо, черт.

– Может быть, в ресторан? Обещаю выбрать самый впечатляющий.

– Нет. Я уже всё приготовила. Я Вас жду.

О, боги! «Найди причину! Откажись!» – уговариваю я себя. Не будь у меня положительного теста, сегодня она была бы моя. Во всех смыслах этого слова. Просто... какой же это потрясающий кайф – иметь возможность, обнимать, целовать, присваивать! Эти губы были так близко! В секунде от поцелуя. В мгновении до точки нашего невозврата. Отпустил бы я её после поцелуя? Не-е-ет! Ни за что.

Закрывая глаза, фантазирую. Губы прикрываются и горят, я жадно облизываюсь, сокращаясь от возбуждения. Всё, Черкасов, это теперь недоступна часть реальности. Ты бестелесное привидение еще полгода. Прими это. Усвой это! Сдергивая с запястья часы медленно кручу их на пальце. Они встали. В первый раз в жизни у меня встали часы. Как символично... Моя жизнь на паузе. А её – нет! И может так оказаться, что это последнее свидание со Златой. А завтра она будет принадлежать другому мужчине. И так и будет, вообще-то. Особенно, если ты не приедешь. Ее приглашение значит только одно, она не хочет выбирать Родиона. И я делаю самую глупую вещь в моей ситуации – еду.

И да – в этот раз я не лажаю с букетом.

Покупаю бутылочку хорошего вина. Когда меня последний раз женщина приглашала на ужин к себе домой? Такая женщина, чтобы я согласился. Да никогда! Моя жизнь устроена максимально просто. Как черновик. Пока все силы вложены в компанию, а в личной жизни довольствуюсь простым и малым, но мечтаю о большом и полноценном.

Дописался на черновик, Черкасов? Ага, так что чистовик испачкал. Паркуюсь возле маленького, но выстроенного в стиле средневекового замка домика Ивана Михайловича. Не самый престижный район. Но пока еще спокойный. Ворота – стальной частокол. Я вижу парадный вход в дом. Нажимаю на звонок.

Открывает мне охранник. Свет ярких фонарей освещает всё по периметру.

– Этим входом не пользуются, – тормозит он мою попытку подняться на крыльцо. – Пройдёмте.

Мы обходим дом.

– Тиша, слезай! – стоит спиной ко мне у высокого ранета Злата, уперев руки в бока.

– Злата Романовна, к Вам гости.

Разворачивается.

– Что случилось? – смотрю вверх.

– Аа... да, ничего, – поправляет немного растрепавшиеся волосы.

На ветке, прислонившись спиной к стволу сидит Тихон. Метра три высота...

– Тихон, привет.

– Здравствуйте.

– Проходите в дом, – отворачиваясь от Тихона, показывает мне на вход чуть поскромнее, чем парадный.

В спину ей тут же прилетает ранеткой. Слышу глухой шлепок и вижу, как вздрагивает. Глаза мстительно вспыхивают, веки тяжелеют, но делает вид, что ничего не было.

Разворачиваюсь, чтобы зайти в дом и в отражении затенённого стекла окна вижу, как она поднимает пару ранеток и отточенным движением швыряет обратно в Тихона.

– Ай!

Хруст веток.

Ну, дети! – прячу улыбку.

И меня и самого расслабляет, снимая с плеч лет пятнадцать. Проблемы, заботы будто отъезжают немного подальше. Когда-то и я по деревьям в нашем саду лазил.

– Проходите, – опережая, Злата поспешно открывает мне дверь.

– Поссорились?

– Нет, с чего Вы взяли?

– Да так... – ухмыляюсь я.

Живая девушка. Сто лет в моей жизни не было живых девушек. Всё как-то по сценарию в последнее время. Только лица меняются. Хочется погладить ее по спине. Там вырез, открывающий лопатки. И между ними красный след от ранетки. Но держится она как принцесска, изящно и не подавая виду, что больно, гордо выпрямив плечи и задрав подбородок. Отдаю ей в руки букет.

– Спасибо за приглашение.

– Сюда, – уводит она меня в столовую.

– Сама готовила? – наблюдаю как накрывает для нас стол.

Между широким поясом свободных брюк и в цвет им свободным топом – узкая полоска плоского загорелого живота. Топ ассиметрично съезжает с одного плеча. Шея очень красивая... я целовал уже эту шею...

Тяжело сглатываю. Бестелестный, ты, Черкасов! Напоминаю себе.

В глаза смотри!

– Сама, – скромно.

Круто. Женщины в моей семье никогда не готовили сами. У нас всегда был повар. Ставит чашку передо мной.

– Ничего что я по-простому без сервировки? – смотрит мне в глаза.

Коротко улыбаюсь. Да мне вообще все равно. Рядом со мной побудь...

– Тихон не присоединится?

– Он поел уже.

В голосе сквозит недовольство.

– Пахнет вкусно... – вдыхаю я запах блюда.

В глубокой глиняной чашке с резными боками, белая маслянистая жидкость с оранжевыми разводами и шариками.

– А что это? На икру красную похоже.

– Лосось в сливках с икрой. Мама раньше всегда готовила. Когда гости приезжали. И я теперь для гостей готовлю.

– Ух ты. Ммм... – тут же выдаю я стон удовольствия, пробуя первую ложку.

Злата передаёт мне черный хлеб, зелень... Молча едим, встречаясь взглядами. Она немного расслабляется. Мне так кайфово, словно в эти сливки было намешано пару ложек дури. Точно ведьма...

– Может вина? – словно опомнившись.

– Только тебе. Я за рулём. Спасибо. Лучше чай.

Говорим о каких-то незначительных вещах. Любуюсь тем, как она двигается, говорит, ест, изредка улыбается.

Моя эйфория и расслабленность мгновенно исчезает, когда она начинает убирать со стола. Напряжённо смотрю на то, как касается моей ложки, вилки...

Отвратительное ощущение липкого неконтролируемого страха, смешанного с отвращением к себе. Не сходи с ума, Черкасов. Но ничего не могу поделать, ощущаю себя грязным. И ещё – лжецом, что пришёл в её дом и не ставлю её в известность, не даю ей выбора – не контактировать со мной.

Ещё и замуж уговариваю...

На открытом окне в пепельнице наполовину истлевшая и потушенная сигарета. Рядом пачка. Залипаю на ней взглядом. – Вы вдвоём здесь живете? – Охрана ещё...

– Прямо в доме?

– Нет, во флигеле у ворот.

– Ты куришь? – ревность глушит короткой вспышкой.

Я уверен, что она не курит! Да и сигареты крепкие, мужские. Оборачивается, ловят взглядом пепельницу.

– Это деда пачка, – вздыхает она.

Иван Михайлович из больницы не отлучался.

– Кто приобщился? – дёргаю бровью.

– Тиша... – расстроено. – Совсем слушаться перестал.

Оо... Отпускает немного.

– Возраст такой, – пожимаю плечами. – Не переживай. В тринадцать все бунтуют.

Складывает с посудомойку приборы.

– Хочешь, я поговорю с ним насчёт сигарет.

– Наверное, пока не стоит. Ему и так сложно принять наше ближайшее будущее. А если Вы ещё начнёте его воспитывать...

– А тебе? Сложно?

– И мне.

Так. А вот сейчас время договариваться, Черкасов.

– А если для тебя ничего не изменится после брака? Так будет проще принять?

– Как это? – разворачивается.

– Допустим, мы распишемся, и поставим наши супружеские обязанности на паузу, позволив себе просто пожить рядом как друзья, узнать друг друга. Несколько месяцев... – осторожно добавляю я.

– Фиктивный брак, имеете в виду?! Нет, Демид, извините. Тогда, у нас с Тишей не будет гарантии...

Снова закрывается, складывая крест-накрест руки.

– Дед всё написал в брачном договоре. Он не будет изменён. Мне нужен нормальный брак и заинтересованный во мне муж.

– Нет, не фиктивный! Мне показалось, я понятно выразился: дать нам время на естественное развитие отношений, без этой спешки с наследником. Несколько месяцев... может, полгода. До того, как мы станем мужем и женой не только формально.

– Полгода? Не хотите детей? – пытливо.

– Хочу!

– У Вас женщина есть, поэтому?... – хмурится. – Зачем же тогда Вы мешаете брату?

– Да нет же! Нет у меня женщины.

– Мужчина? – шокированным шёпотом, распахивая огромные глаза.

– Злата!! – рявкаю я.

– Что? В Москве это говорят не редкость. Так Вы прямо скажите, а то я ничего не понимаю.

– Госпожа Ольховская, уговорите свою буйную фантазию, – зверею я.

– Извините, – закусывает губу.

Странно, наверное, такое предложение из уст мужчины выглядит. Вот и ищет причину.

– Откинь свои дурацкие интерпретации и отнесись к моему предложению – как оно есть.

Если мы не станем форсировать, тебе будет комфортнее?

Опускает глаза.

– Да. Конечно. А Вам? – вдруг выстреливает в меня снова пытливым взглядом.

– А я потерплю, – в моем голосе проскальзывает много всякого, что я не успел поймать и блокировать.

Закрываю глаза, пряча за веками всё, что я думаю на самом деле по этому поводу.

– Ради меня?... – растерянню.

– Ради нас.

– Ладно... спасибо, наверное, за предложение.

Отворачивается и тоже смотрит в окно.

– Что тебя смущает? – начинаю нервничать я.

– Что смущает?

Неожиданно разворачивается.

– Вы, Демид, и так-то человек холодный... А временами вообще как айсберг... Я еще ничего не сделала, а Вы уже смотрите на меня то ли с презрением, то ли с отвращением.

– Я не холодный, – осаживаюсь я.

С отвращением?... Считала из взгляда? Я же не на тебя, дурочка!

Отрицательно качаю головой. В груди переполняет болью от её слов.

– Ты ошиблась.

– Да? – хмурясь, ноздри нервно вздрагивают. – Обнимите меня тогда.

Я дергаюсь к ней и тут же торможу. Ступор. Давай, Черкасов! Объятия – это не заразно! Но... По моей коже идут мерзкие мурашки, и я растерянню замираю, не решаясь.

Отворачивается. Ну мля...

Встаю позади неё, так близко, что чувствую жар её тела. Ощущаю, как она вся трепещет. Хочется повить на луну от понимания, что зацелуй я ее сейчас, не оттолкнула бы!

– Но это не значит, что я не хочу, – шепчу ей в затылок. – Очень хочу! Но пусть будет так, ладно?

Настороженно кивает.

– Я могу быть уверенным, что ты определилась?

– Не давите на меня, пожалуйста. У меня и так пара дней всего... Через ткань топа прижимаюсь губами к плечу.

– Ведьма моя карельская... – признаюсь я ей завуалированно в своих чувствах, вспоминая её вопрос. – Не ошибись!

Вздрагивает.

– Я поеду. Поздно. Спасибо за ужин, Золотинка.

– Папа так звал... – не поворачиваясь.

В груди сжимается от открытых слов, вскрывающих её ранимость

– Всё хорошо у тебя будет, слышишь?

У меня – не факт. А у неё – да. Я себе это обещаю. Ухожу, так и не поцеловав. И даже не прикоснувшись к её пальчикам. Ухожу измученным, словно голодным постоял у роскошного шведского стола, но так ничего и не съел. Этот голод мучителен!

– Тихий! – окликаю на улице Тихона.

– Чего? – из темноты.

– Не буянь. Сестра переживает. Людей, которые о тебе переживают надо ценить, понял?

– Ладно... – угрюмо.

Выходит на свет. Моя рука дёргается для рукопожатия, но я себя тут же торможу, заикливаясь на чувстве брезгливости к себе. И не тяну ему в этот раз руку. Ухожу.

Глава 9

Кто-то должен

– Злата, солнце, бросай всё! Поехали сегодня на стритрейсинг? Я тебя на самых убойных тачках покатаю... Там отличная туса, народ крутой... Почилим... – слышу телефонный разговор брата.

Двери наших кабинетов выходят на один балкон. И у меня дверь приоткрыта. В кабинет несёт сигаретным дымом.

– Почему? – разочарованно.

– Да? Жаль... Но ты же понимаешь, что это неизбежно случится. Ты ему ничем не поможешь, если будешь скорбеть и сидеть рядом. Поехали, расслабимся. Нет? Ну ладно, окей. Завтра позвоню. Не кисни там, красивая моя...

– Родион!

– Чего? – заглядывает брат.

– Слышишь, тусовщик...

Кидаю подшивку распечаток на стол. Он забыл её за столиком внизу. Заглядывал ли вообще – большой вопрос.

– Ничего, что это конфиденциальная информация и моя интеллектуальная собственность.

– Черт... Извини, брат.

– Ты должен был перелопатить мне всю подборку заводов в Китае, – стучу пальцами по подшивке. – Разослать им наши предложения по поставкам металла. Где?

– Братишка, но металла-то нет. Все партии уже на договорах, а новая на таможне.

– А где мы ее хранить будем, когда выкупим? Зачем отдавать огромные бабки за жд тупик, если мы можем просто изменить маршруты вагонов и отправить товар закупщикам напрямую?

– Логично... – уныло.

– Где они?

– Кто?

– Договора с закупщиками!

– Брат... – с виноватой улыбкой. – Я еще не занимался этим.

– А чем ты занимался?!

– Я пытаюсь... обеспечить нам золотишко, чтобы выкупить товар, – разводит руками.

– Злата сделает выбор и без стритрейсинга, а товар сам себя не продаст. Так что – сел, и пока у меня не будет картины по Китаю, чтобы зад свой от кресла не отрывал.

– Но ты же раньше этим занимался! – раздражённо.

– А теперь мне некогда. Дел стало больше.

– Найми человека!

– Давай денег, найму.

– В смысле?

– А как ты думал? Я их из воздуха достаю, что ли?! И можно брать бесконечно? Работай, давай.

Недовольно бубня уходит к себе. Бестолочь ленивая. Но пока его мать была жива, она делала все, чтобы Родиона не коснулись никакие заботы. В семь он сильно переболел почками. Температура подскочила так, что мы его чуть не потеряли. После этого у неё, как кукушку сорвало. Мальчик, под дотошным контролем матери, только отдыхал и расслаблялся. До сих пор не может в тонус прийти. Хотя семь лет уже, как она умерла. Снижаю лимит на его карте

в три раза. Нам нужно экономить. Сейчас будут простои, а это потеря денег. Сливают же ежедневно бабло на тусовки это бессмысленные.

Набираю Злату.

– Здравствуйте... – шепотом.

– Что у тебя случилось?

Молчание... вздох... Я как радар реагирую на ее вздох болезненным ощущением в груди.

– Иван Михайлович?

– Мхм... – положительно.

– Ты плачешь, что ли? В больнице? – слышу только её тихий рваный вздох.

– Я приеду сейчас. Трубку Тихону передай.

Держа телефон у уха, накидываю пиджак. Шарю по столу рукой в поиске ключей от тачки.

– Это Тихон.

– Минуту...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.